

Жизнь Арсеньева

Книга четвертая

I.

Мои послѣдніе батуринскіе дни были вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдними днями всей прежней жизни нашей семьи.

Мы всѣ понимали, что прежнее на исходѣ. Отецъ говорилъ матери: «Разлетается, душа моя, наше гнѣздо!» Въ самомъ дѣлѣ, Николай это гнѣздо уже бросилъ, Георгій собирался бросать, — срокъ его поднадзорности кончился; оставался одинъ я; но шель и мой чередъ.

И все таки, какъ водится, никто изъ насъ (кромѣ, конечно, матери) ничего не додумывалъ, я тѣмъ болѣе. Я, Богъ вѣсть почему и зачѣмъ, затѣялъ тогда переводъ «Гамлета» и мучилъ себя надъ нимъ съ необыкновеннымъ и все возроставшимъ наслажденіемъ . . .

II.

Опять, еще разъ была весна. И опять казалась она мнѣ такой, какихъ еще не было, началомъ чего-то совсѣмъ не похожаго на все мое прошлое.

Во всякомъ выздоровленіи бываетъ нѣкое особенное утро, когда, проснувшись, чувствуешь наконецъ уже полностью ту простоту, будничность, которая и есть здорье, возвратившееся обычное состояніе, хотя и отличающееся отъ того, что было до болѣзни, какою-то новой опытностью, умудренностью. Такъ проснулся и я од-

нажды въ тихое и солнечное майское утро въ своей угловой комнатѣ, окна которой я, по молодости, не имѣлъ надобности завѣшивать. Я откинулъ одѣяло, чувствуя спокойное довольство всѣхъ своихъ молодыхъ силъ и все то здоровое, молодое тепло, которымъ нагрѣлъ я за ночь постель и себя самого. Въ окна свѣтило солнце, отъ верхнихъ цвѣтныхъ стеколъ на полу горѣли синія и рубиновые пятна. Я поднялъ нижнія рамы — утро было уже похоже на лѣтнее, со всей мирной простотой, присущей лѣту, его утреннему мягкому и чистому воздуху, запахамъ солнечнаго сада со всѣми его травами, цвѣтами, бабочками. Я умылся, одѣлся и сталъ молиться на образа, висѣвшіе въ южномъ углу комнаты и всегда вызывавшіе во мнѣ своей арсеньевской стариной что-то обнадеживающее, покорное непреложному и безконечному теченію земныхъ дней. На балконѣ опять, какъ въ тотъ памятный день, когда уѣхала Тонька, слышны были голоса. Пили чай и разговаривали. Былъ опять братъ Николай, — онъ просыпался очень рано и часто приходилъ пить чай къ намъ. И онъ говорилъ — очевидно, обо мнѣ — со свойственной ему трезвостью:

— Да что жъ тутъ думать? Конечно, надо служить, поступить куда-нибудь на мѣсто... Думаю, что Георгію все таки удастся устроить его гдѣ-нибудь, когда онъ самъ какъ-нибудь устроится...

И эти слова еще болѣе умиротворили меня. «Ну, что жъ, служить такъ служить. А потомъ, все это еще такъ не скоро. Георгій уѣдетъ не раньше осени, а до осени еще цѣлая вѣчность...»

Какіе далекіе дни! Я теперь уже съ усиленіемъ чувствую ихъ своими собственными при всей той близости ихъ мнѣ, съ которой я все думаю о нихъ за этими записями и все зачѣмъ-то пытаюсь воскресить чей-то далекій юный образъ. Чей это образъ? Онъ какъ бы нѣкое подобіе моего вымышленнаго младшаго брата, уже давно исчезнуваго

изъ міра вмѣстѣ со всѣмъ своимъ безконечно далекимъ временемъ.

Случалось, бывало, въ какомъ-нибудь чужомъ домѣ взять въ руки старый фотографическій альбомъ. Странныя и сложныя чувства возбуждали лица тѣхъ, что глядѣли съ его поблекшихъ карточекъ! Прежде всего — чувство необыкновенной отчужденности отъ этихъ лицъ, ибо необыкновенно бываетъ чуждъ человѣкъ человѣку въ инныя минуты. А потомъ — происходящая изъ этого чувства повышенная острота ощущенія ихъ самихъ и ихъ времени. Что это за существа, эти лица? Это все люди когда-то и гдѣ-то жившіе, каждый по своему, разными судьбами и разными эпохами, гдѣ было все свое: одежды, обычаи, характеры, общественныя настроенія, событія... Вотъ суровый чиновный старикъ съ орденомъ подъ двойнымъ галстухомъ, съ большимъ и высокимъ воротомъ, съ крупными и мясистыми чертами бритаго лица. Вотъ свѣтскій шеголь временъ Герцена съ подвитыми волосами и съ бакенбардами, съ цилиндромъ въ рукѣ, въ широкомъ сюртукѣ и такихъ же широкихъ панталонахъ, нога котораго кажется отъ нихъ особенно маленькой. Вотъ бюстъ грустно-красивой дамы: затѣйливая шляпка на высокомъ шиньонѣ, шелковое платье съ рюшами, плотно обтягивающее грудь и тонкую талію, длинныя серьги въ ушахъ... А вотъ молодой человѣкъ семидесятыхъ годовъ: высокіе, широко расходящіеся воротнички, не скрывающіе кадыка, нѣжный овалъ чуть тронутаго пушкомъ лица, юная томность въ загадочныхъ большихъ глазахъ, длинныя волнистыя волосы... Сказка, легенда всѣ эти лица, ихъ жизни и эпохи!

Точно тѣ же чувства испытываю я и теперь, воскрешая образъ того, къмъ я былъ когда-то. Былъ ли въ самомъ дѣлѣ? Былъ молодой Вильгельмъ Второй, былъ какой-то генералъ Буланже, былъ Александръ Третій, грузный хозяинъ необъятной Россіи... И была въ эти легендарныя

времена, въ этой навсегда погибшей Россіи весна, май и былъ кто-то, съ темнымъ румянцемъ на щекахъ, съ синими яркими глазами, зачѣмъ-то мучившій себя какимъ-то «Гамлетомъ» и день и ночь таившій въ себѣ тоску о своемъ будущемъ, гдѣ, казалось, ожидала его вся прелесть и радость міра сего . . .

III.

Въ началѣ лѣта я какъ то встрѣтилъ на деревнѣ невѣстку Тоньки. Она пріостановилась и сказала:

— А вамъ одинъ человѣкъ поклонъ прислалъ . . .

Воротясь домой, я осѣдлалъ Кабардинку и пустился куда глаза глядятъ. Помню, я былъ въ Знаменскомъ, въ Малиновомъ, доѣхалъ до Ливенской большой дороги . . . Наступалъ одинъ изъ тѣхъ безмятежныхъ вечеровъ начала лѣта, когда въ поляхъ царить какая-то особенная полнота мира, красоты, благоденствія. Я постоялъ возлѣ дороги, подумалъ: куда еще? — пересѣкъ ее и поѣхалъ цѣликомъ дальше. Я ѣхалъ на блескъ уже низкаго солнца какими-то парами, — помню, это было цѣлое море чего-то ярко-желтаго, цвѣтушаго, — и въѣхалъ въ чей-то большой лѣсъ, начинавшійся длинной лощиной съ заросшими оврагами и бусраками, гдѣ цвѣты и травы, уже свѣжѣвшіе и пахнувшіе къ вечеру лѣсной и луговой свѣжестью, были по брюхо лошади. Кругомъ, по всѣмъ кустамъ и чащамъ, сладко голосили и цокали соловьи, гдѣ-то далеко вдали мѣрно и настойчиво, какъ бы убѣжденная среди всѣхъ этихъ тщетныхъ соловьиныхъ восторговъ въ правотѣ только своей одинокой, бездомной печали, не смолкая куковала кукушка, и ея гулко-полый голосъ казался то ближе, то дальше, грустно и дивно чередуясь съ еще болѣе дальними откликами вечерѣющаго лѣса. И я ѣхалъ и слушалъ, потомъ сталъ невольно считать, сколько лѣтъ нагадаетъ мнѣ она, — сколько еще осталось мнѣ всего то-

го непостижимаго, что называется жизнью, любовью, разлуками, потерями, воспоминаніями, надеждами... И она все куковала и куковала, суля мнѣ что-то безконечное. Но что таило въ себѣ это безконечное? Въ загадочности и безучастности всего окружающаго было что-то даже страшное. Я смотрѣлъ на шею Кабардинки, на ея гриву, сткинутую на сторону и ровно, въ ладь съ ходомъ мотавшуюся, на всю эту поднятую конскую голову, когда-то, въ дни сказочные, порой говорившую вѣщимъ голосомъ: страшна была ея роковая безсловесность, это во вѣки ничѣмъ не могущее быть расторгнутымъ молчаніе, нѣмота существа, столь мнѣ близкаго и такого-же, какъ я, живого, разумнаго, чувствующаго, думающаго, и еще страшнѣй — сказочная возможность, что она вдругъ нарушитъ свое молчаніе... И съ бессмысленно-жуткой радостью голо-сили кругомъ соловьи, и съ колдовской настойчивостью куковала вдали кукушка, тщетно весь свой вѣкъ разыскивающая какого-то завѣтнаго гнѣзда...

IV.

Лѣтомъ я былъ въ городѣ на Тихвинской ярмаркѣ и еще разъ случайно встрѣтился тамъ съ Балавинымъ. Онъ шелъ съ какимъ-то барышникомъ. Барышникъ былъ на рѣдкость грязень и оборванъ, онъ же особенно чистъ и нарядень — во всемъ съ иголочки, въ новой соломенной шляпѣ и съ блестящей тросточкой. Барышникъ, поспѣвая рядомъ съ нимъ, яростно клялся ему въ чемъ-то, по-минутно взглядывалъ на него дико и вопросительно, — онъ шелъ, не слушая, холодно и жестко глядя передъ собой своими свѣтло-зелеными глазами. «Все брехня!» — кинулъ онъ наконецъ невнимательно и, поздоровавшись со мной, -- такъ, какъ будто мы не два года тому назадъ, а только вчера видѣлись, — взялъ меня подъ руку и предложилъ зайти «попить чайку и немножко побесѣдовать».

И мы зашли въ одинъ изъ чайныхъ балагановъ, и за бесѣдой онъ сталъ съ усмѣшкой меня разспрашивать, — «ну-съ, какъ-же поживаете, въ чемъ преуспѣваете?» — а потомъ заговорилъ о «бѣдственномъ положеніи» нашихъ дѣлъ, — онъ откуда-то зналъ ихъ лучше насъ самихъ, — и опять о томъ, какъ быть лично мнѣ. Я послѣ того простился съ нимъ настолько разстроенный, что даже рѣшилъ тотчасъ же домой уѣхать. Уже вечерѣло, въ монастырѣ звонили ко всенощной, ярмарка, стоявшая на огромномъ выгонѣ возлѣ него, разѣзжалась, коровы, уводимыя за скрипучими телѣгами, выбиравшимися на шоссе, ревѣли какъ-то угрожающе, захлебываясь, обратные извозчики, ныряя по пыльнымъ ухабамъ выгона, безшабашно неслись мимо... Я вскочилъ на перваго попавшагося и погналъ его на станцію, — былъ какъ разъ вечерній поѣздъ въ нашу сторону. Да, что же дѣлать? — думалъ я, вспоминая рѣчи Балавина и все больше убѣждаясь, что смыслъ ихъ былъ, собственно, отчаянный. «И ума не приложу, какъ вамъ быть далѣе, — говорилъ онъ мнѣ. — Отцы ваши въ такихъ обстоятельствахъ на Кавказъ служить скакали, къ разнымъ иностраннымъ коллегіямъ приписывались, а вамъ куда скакать или приписываться? Вы, вообще, я полагаю, служить не можете — не тѣ у васъ мечтанія. Вы, какъ говорится въ оракулахъ, слишкомъ въ даль простираетесь. На счетъ Батурина одинъ исходъ вижу: продать какъ ни можно скорѣй, пока съ молотка не продали. Въ этомъ случаѣ у вашего батюшки въ карманѣ хоть грошъ, а все таки останется. А на счетъ себя вы ужъ какъ нибудь сами подумайте...» Но что же я могу выдумать? — спрашивалъ я себя. — Въ амбаръ къ нему что-ли поступить?

Эта встрѣча нѣсколько охладила даже мою работу надъ «Гамлетомъ». Я началъ переводить его случайно — онъ никакъ не былъ въ числѣ произведеній, близкихъ мнѣ. Онъ просто попался мнѣ подъ руку -- какъ разъ тогда, когда мнѣ такъ хотѣлось снова начать чистую, трудо-

вую жизнь. Я не медля взялся за работу, и она вскорѣ увлекла меня, стала радовать, возбуждать своей трудностью. Кромѣ того, родилась во мнѣ тогда дѣтская мысль стать вообще переводчикомъ, открыть себѣ вполсѣдствіи источникъ не только неизмѣнныхъ художественныхъ наслажденій, но и существованія. Тенерь, воротясь домой, я вдругъ понялъ всю сомнительность подобныхъ надеждъ. Понялъ и то, что дни идутъ, а всѣ мои «мечтанія», которыя Балавинъ, самъ того не желая, вновь взволновалъ во мнѣ, такъ и остаются мечтаніями. О нашемъ «бѣдственномъ положеніи» я быстро забылъ. Другое дѣло были «мечтанія»... Въ чемъ собственно состояли онѣ? Да вотъ упомянулъ, напримѣръ, Балавинъ случайно про Кавказъ — «отцы ваши въ такихъ обстоятельствахъ на Кавказъ служить скакали» — и опять стало казаться мнѣ, что я бы полжизни отдалъ, лишь бы быть на мѣстѣ отцовъ... На ярмаркѣ гадала мнѣ по рукѣ молоденькая цыганка. Ужь какъ не новы эти цыганки! Но чего только не почувствовалъ я, пока она держала меня за руку своими цѣпкими черными пальцами, и сколько думалъ потомъ о ней! Вся она была, конечно, необыкновенно пестра разноцвѣтностью своихъ желтыхъ и красныхъ лохмотьевъ и все время слегка поводила бедрами, говоря мнѣ обычный вздоръ, откинувъ шаль съ маленькой смоляной головы и томя меня не только этими бедрами, сонной сладостью глазъ и губъ, но и всей своей древностью, говорившей о какихъ-то далекихъ краяхъ, и тѣмъ еще, что опять тутъ были мои «отцы», — кому же изъ нихъ не гадали цыганки? — моя тайная связь съ ними, жажда ощущенія этой связи, ибо развѣ могли бы мы любить міръ такъ, какъ любимъ его, если бы онъ ужь совсѣмъ былъ новъ для насъ?

V.

Въ тѣ дни я часто какъ бы останавливался и съ рѣзкимъ удивленіемъ молодости спрашивалъ себя: все таки что же такое моя жизнь въ этомъ непонятномъ, вѣчномъ и огромномъ мірѣ, окружающемъ меня, въ безпредѣльности прошлаго и будущаго и вмѣстѣ съ тѣмъ въ какомъ-то Батуриинѣ, въ ограниченности лично мнѣ даннаго пространства и времени? И видѣлъ, что жизнь (моя и всякая) есть смѣна дней и ночей, дѣлъ и отдыха, встрѣчъ и бѣдъ, удовольствій и неприятностей, иногда называемыхъ событіями; есть беспорядочное накопленіе впечатлѣній, картинъ и образовъ, изъ которыхъ лишь самая ничтожная часть (да и то неизвѣстно зачѣмъ и какъ) удерживается въ насъ; есть непрестанное, ни на единый мигъ насъ не оставляющее теченіе несвязныхъ чувствъ и мыслей, беспорядочныхъ воспоминаній о прошломъ и смутныхъ гаданій о будущемъ; а еще — нѣчто такое, въ чемъ какъ будто и заключается нѣкая суть ея, нѣкій смыслъ и цѣль, что-то главное, чего ужъ никакъ нельзя уловить и выразить, и — связанное съ нимъ вѣчное ожиданіе: ожиданіе не только счастья, какой-то особенной полноты его, но еще и чего-то такого, въ чемъ (когда настанетъ оно) эта суть, этотъ смыслъ вдругъ наконецъ обнаружится, уловится. «Вы, какъ говорится въ оракулахъ, слышкомъ въ даль простираетесь . . . » И впрямь: втайнѣ я весь простирался въ нее. Зачѣмъ? Можетъ быть, именно за этимъ уловленіемъ?

VI.

Отъѣздъ брата Георгія положилъ конецъ нашему сравнительному благополучію.

Онъ уѣхалъ опять въ Харьковъ, — теперь уже совсѣмъ

свободный, радостный, — и опять, какъ когда-то, безконечно давно, когда его везли въ тюрьму, въ свѣтлый и холодный октябрьскій день. Я провожалъ его на станцію. Мы рѣзво катили по набитымъ, блестящимъ дорогамъ, отгоняли бодрыми разговорами о будущемъ грусть разлуки, ту тайную боль о прожитомъ срокѣ жизни, которому всякая разлука подводитъ послѣдній итогъ и тѣмъ самымъ навсегда его заканчиваетъ. — Все, Богъ дастъ, устроится! — говорилъ братъ, себялюбиво не желая огорчать себя, своихъ надеждъ на харьковскую жизнь. — Какъ только осмотрюсь немного и справлюсь со средствами, тотчасъ же выйшу тебя. А тамъ видно будетъ, что и какъ . . . Хочешь папиросу? — сказалъ онъ и съ удовольствіемъ сталъ глядѣть, какъ я неловко, въ первый разъ въ жизни, закуриваю.

Возвращаться домой, одному, было особенно грустно и странно. Даже какъ-то не вѣрилось, что то, чего мы всѣ такъ долго втайнѣ боялись, совершилось, что вотъ брата уже нѣтъ, что я ѣду одинъ и одинъ проснусь завтра въ Батуриинѣ. А дома меня ожидало еще и большое несчастье. Я возвращался въ ледяные багровые сумерки. На пристяжкѣ была Кабардинка, всю дорогу не дававшая отдыху шедшему крупной рысью кореннику. Пріѣхавъ, я о ней не подумалъ, ее, не выведивъ, напоили, потная, она смертельно продрогла, простояла морозную ночь безъ попоны и подъ утро пала. Въ полдень я пошелъ въ лужки за садомъ, куда ее стащили. О, какая жестокая, свѣтлая пустота была въ мірѣ, какое гробовое солнечное молчаніе, какая прозрачность воздуха, холодъ и блескъ пустыхъ полей! Кабардинка безобразно чернѣла въ лужкахъ своей мертвой грудой, высоко вздутымъ бокомъ и тонкой длинной шеей съ далеко откинутой лежачей головой. Собаки уже работали надъ ея брюхомъ, сладострастно мотали, рвали его, траурная стая старыхъ вороновъ выжидательно торчала подлѣ, какъ то свирѣпо взлетая порой, когда собаки, безпокойно рычавшія даже въ самый разгаръ сво-

ихъ мерзкихъ хлопотъ, вдругъ кидались на нее съ оскаленными и окровавленными мордами... А послѣ завтрака, когда я тупо лежалъ на диванѣ въ своей комнатѣ, за мелкими квадратными стеклами которой ровно синѣло осеннее небо и чернѣли нагя деревья, послышались по корридору быстрые и тяжелые шаги и внезапно вошелъ ко мнѣ отецъ. Въ рукахъ у него была его любимая бельгійская двустволка, единственная драгоценность, оставшаяся ему отъ прежней роскоши.

— Вотъ, — сказалъ онъ, рѣшительно кладя ее рядомъ со мной. — Дарю, что могу, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Можетъ быть, это тебя хоть немного утѣшитъ...

Я вскочилъ, схватилъ его руку, но не успѣлъ поцѣловать — онъ отдернулъ ее и, быстро наклонившись, неловко поцѣловалъ меня въ високъ.

— И вообще ты не очень убивайся, — прибавилъ онъ, стараясь говорить съ обычной своей бодростью. — Это я ужъ не о лошади, конечно, говорю, а вообще о твоемъ положеніи... Ты думаешь, я ничего не вижу, не думаю о тебѣ? Больше всѣхъ думаю! Я передъ всѣми вами виновать, всѣхъ васъ по міру пустилъ, да у тѣхъ хоть что-нибудь есть. Николай все таки хоть немного обезлеченъ, у Георгія есть образованье, а у тебя что, кромѣ твоей прекрасной души? Да и что имъ? Николай человѣкъ въполнѣ дюжинный, Георгій всегда вѣчнымъ студентомъ останется, а вотъ ты... И хуже всего то, что не усидишь ты долго съ нами, и что тебя ждетъ, одинъ Богъ вѣдаетъ! А все таки помни мое: нѣтъ бѣднѣе бѣды, чѣмъ печаль...

VII.

Въ ту осень пусто, тихо было въ нашемъ домѣ. Никогда, кажется, не чувствовалъ я такой нѣжной любви къ отцу и матери, но только одна сестра Оля спасала меня въ тѣ дни отъ чувства одиночества, съ особенной силой овладѣвшаго мной. Дѣлать прогулки, вести разговоры, мечтать о будущемъ я сталъ теперь съ ней — и съ удивленіемъ и радостью все больше убѣждался въ томъ, что она гораздо взрослѣй, развитѣй и душевно и умственно и гораздо ближе мнѣ, чѣмъ я могъ полагать. Былъ въ этихъ нашихъ новыхъ отношеніяхъ еще и какой-то чудесный возвратъ къ нашей дальней, дѣтской близости...

Отецъ сказалъ про меня: «Что ждетъ тебя, одинъ Богъ вѣдаетъ!» А что ждало ее, со всей прелестью ея юности и со всей бѣдностью и одиночествомъ въ Батуринѣ?

Впрочемъ, я тогда думалъ больше всего о себѣ.

VIII.

Работу я бросилъ. Много времени проводилъ на деревнѣ, по избамъ, много охотился — то съ братомъ Николаемъ, то одинъ. Борзыхъ у насъ уже не было, оставалась только пара гончихъ. Большія охоты, еще кое-гдѣ уцѣлѣвшія въ уѣздѣ, травили волковъ, лисицъ, далеко и надолго уходили въ отъѣзжее поле, въ мѣста болѣе прибыльные, чѣмъ наши. Мы же и одному русаку бывали рады, — вѣрнѣе, нашимъ скитаньямъ за нимъ по осеннимъ полямъ, на осеннемъ воздухѣ.

Такъ скитался я однажды, въ концѣ ноября, подъ Ефремовымъ. Рано утромъ позавтракалъ въ людской горячими картошками, перекинулъ ружье за плечи, сѣлъ на

старога рабочаго мерина, кликнулъ собакъ и поѣхалъ. У брата вѣяли, я поѣхалъ одинъ. Выдался необыкновенно теплый, солнечный день, но въ поляхъ было грустно, а въ смыслѣ охоты совсѣмъ безнадежно: грустно потому, что ужъ слишкомъ тихо и голо было всюду и во всемъ было то послѣднее, бѣдное, смиренное, что бываетъ только самой поздней осенью, а безнадежно по причинѣ недавнихъ дождей: было такъ грязно и вязко, — и не только по дорогамъ, а и на зеленяхъ, на взметахъ и жнивьяхъ, — что и мнѣ и собакамъ приходилось пробираться все межамми и гранями. Я вскорѣ и думать пересталъ объ охотѣ, а за мной и собаки — бѣжали себѣ впереди, отлично понимая невозможность гона по такому полю, если бы даже и было что гнать, и нѣсколько оживляясь лишь тогда, когда мы попадали въ какой-нибудь голый перелѣсокъ, гдѣ крѣпко и сыро пахло прѣлымъ листомъ, или проходили по рыжимъ дубовымъ кустарникамъ, по какому-нибудь лѣгу, бугру. Но ничего не было и тутъ: всюду пустота, молчаніе, жидкій, безжизненный, хотя и теплый, ясный блескъ, въ которомъ по осеннему низко, плоско и четко лежали свѣтлыя окрестности, — всѣ эти клѣтчатые отъ жнивій, зеленей и пашень перевалы полей, рыжія шкуры кустарниковъ, сизо-сѣрѣющіе кое-гдѣ вдали березовые и осиновые острова...

И отъ Лобанова я повернулъ наконецъ назадъ. Поѣхалъ Шипово, потомъ вѣхалъ въ ту самую Кроптовку, гдѣ было родовое имѣніе Лермонтовыхъ. Тутъ я отдохнулъ у знакомаго мужика, посидѣлъ съ нимъ на крылечкѣ, выпилъ квасу. Передъ нами былъ выгонъ, за выгономъ — давно необитаемая мелкопомѣстная усадьба, которую красилъ немного только садъ, неподвижно поднимавшій въ блѣдно-голубомъ небосклонѣ, за небольшимъ старымъ домомъ, свои черныя верхушки. Я сидѣлъ и, какъ всегда, когда попадалъ въ Кроптовку, смотрѣлъ и думалъ: да ужели это правда, что вотъ въ этомъ самомъ

домѣ бываль въ дѣтствѣ Лермонтовъ, что почти всю жизнь прожилъ тутъ его родной отецъ?

— Говорять, продають, — сказалъ мужикъ, тоже глядя на усадьбу и шурясь. — Говорять, ефремовскій Каманевъ торгуеть...

И, взглянувъ на меня, еще болѣе сощурился:

— А вы какъ? Не продаете еще?

— Это дѣло отца, — отвѣтилъ я уклончиво.

— Конечно, конечно, — сказалъ мужикъ, думая, видимо, что-то свое. — Я это только къ тому, что всѣ, молъ, теперь продають, плохое пришло господамъ житье. Народъ избаловался, — и свое-то и то какъ попало работаютъ, а не то, что господское, --- а цѣна на руки въ горячее время — приступу нѣтъ, а загодя, подъ заработки барину не изъ чего дать — нужда, бѣдность...

Дальше я поѣхалъ, дѣлая большой крюкъ, рѣшивъ для развлечения проѣхать черезъ Васильевское, переночевать у Писаревыхъ. И, ѣдучи, какъ-то особенно крѣпко задумался вообще о великой бѣдности нашихъ мѣсть. Все было бѣдно, убого и глухо кругомъ! Я ѣхалъ большой дорогой — и дивился ея заброшенности, пустынности. Ёхалъ проселками, проѣзжалъ деревушки, усадьбы: какія избы, какія усадьбы и какая жалкая и бессмысленная жизнь въ нихъ! Хотя шаромъ покати не только въ поляхъ, на грязныхъ дорогахъ, но и на такихъ же грязныхъ деревенскихъ улицахъ и на пустыхъ усадебныхъ дворахъ. Даже непонятно: да гдѣ-же люди и чѣмъ убиваютъ они свою осеннюю скуку, бездѣлье, сидя по этимъ избамъ и усадьбамъ? А потомъ я опять вспомнилъ бессмысленность и своей собственной жизни среди всего этого и просто ужаснулся на нее, вдругъ вспомнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ Лермонтова. Да, вотъ Кроптовка, этотъ забытый домъ, за который я никогда не могу смотрѣть безъ какихъ-то безконечно-грустныхъ и неизъяснимыхъ чувствъ... Вотъ

бѣдная колыбель его, наша общая съ нимъ, вотъ его начальные дни, когда такъ же смутно, какъ и у меня нѣкогда, томилась его младенческая душа, «желаніемъ чуднымъ полна», и первые стихи, столь же, какъ и мои, безпомощные... А потомъ что? А потомъ вдругъ «Демонъ», «Мицыри», «Тамань», «Парусъ», «Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой...» Какъ связать съ этой Кроптовкой все то, что есть Лермонтовъ? Я подумалъ: что такое Лермонтовъ? --- и увидѣлъ сперва два тома его сочиненій, столь знакомыхъ и близкихъ мнѣ съ дѣтства, уже давно ставшихъ частью моей жизни, увидѣлъ его странное молодое лицо съ неподвижными темными глазами, потомъ сталъ видѣть стихотвореніе за стихотвореніемъ и не только внѣшнюю форму ихъ, но и картины, съ ними связанныя, то есть то, что и казалось мнѣ земными днями Лермонтова: снѣжную вершину Казбека, Дарьяльское ущелье, ту, невѣдомую мнѣ, свѣтлую долину Грузіи, гдѣ шумятъ, «обнявшись точно двѣ сестры, струи Арагвы и Куры», облачную ночь и хижину на морскомъ побережьи въ Тамани. дымную морскую синеву, въ которой чуть бѣлѣтъ вдали парусъ, молодую ярко-зеленую чинару у какого-то уже совсѣмъ сказочнаго Чернаго моря... Какая жизнь, какая судьба! Всего двадцать семь лѣтъ, но какихъ безконечно-богатыхъ и прекрасныхъ, вплоть до самаго послѣдняго дня, до того темнаго вечера на глухой дорогѣ у подошвы Машука, когда, какъ изъ пушки, грянулъ изъ огромнаго стариннаго пистолета выстрѣлъ какого-то Мартынова и «Лермонтовъ упалъ, какъ будто подкошенный»... Я подумалъ все это съ такой остротой чувствъ и воображенія и у меня вдругъ занялось сердце такимъ восторгомъ и завистью, что я даже вслухъ сказалъ себѣ, что довольно наконецъ съ меня Батурина, что пора мнѣ что-то твердо рѣшить.

IX.

Я думалъ все о томъ-же и на другой день, возвратившись домой.

Ночью я сидѣлъ въ своей комнатѣ и, думая, читалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, — перечитывалъ «Войну и миръ». Погода за день круто измѣнилась. Ночь была холодная и бурная. Было уже поздно, весь домъ былъ тихъ и темень. У меня топилась печка, пылала и гудѣла тѣмъ жарче, чѣмъ злѣй и сумрачнѣй налеталъ на садъ, на домъ и потрясалъ окна вѣтеръ. Я сидѣлъ, читалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ о себѣ, съ грустнымъ наслажденіемъ чувствуя этотъ поздній часъ, ночь, печку и бурю. Потомъ всталъ, одѣлся, вышелъ черезъ гостиную наружу и сталъ взадъ и впередъ ходить по полянѣ передъ домомъ, по ея уже скудной и мерзлой травѣ. Кругомъ чернѣлъ шумный садъ, надъ поляной стоялъ блѣдный свѣтъ. Ночь была лунная, но какая-то мучительная, оссіановская. Вѣтеръ, ледяной, сѣверный, свирѣпствовалъ, верхушки старыхъ деревьевъ мрачно и слитно ревели, кусты шумѣли остро, сухо и какъ будто бѣжали впередъ; по небу, замазанному чѣмъ-то бѣлесымъ, по небольшому лунному пятну въ огромномъ радужномъ кольцѣ, быстро неслись съ сѣвера, гдѣ было особенно зловѣще и угрюмо, темныя и странныя, какія-то не наши, а какъ будто морскія облака, вродѣ тѣхъ, что изображали старинныя живописцы ночныхъ кораблекрушеній. И я, то на вѣтеръ, одолевая его ледяную свѣжесть, то гонимый имъ въ спину, сталъ ходить и опять думать — съ той беспорядочностью и наивностью, съ которой всегда (и особенно въ молодости) думаются думы наиболѣе сокровенныя. Я думалъ приблизительно такъ:

— Нѣтъ, лучше этого я еще никогда ничего не читалъ! Впрочемъ, а «Казакъ», Ерощка, Марьянка? Или пушкин-

ское «Путешествіе въ Арзерумъ»? Да, какъ они были всѣ счастливы, — Пушкинъ, Толстой, Лермонтовъ!

— Вчера, говорятъ, мимо насъ прошла по большой дорогѣ въ отъѣзжее поле чья-то охота вмѣстѣ съ охотой молодыхъ Толстыхъ. Какъ это удивительно — я современникъ и даже сосѣдь съ *ними*! Въдь это все равно, какъ если бы жить въ одно время и рядомъ съ Пушкинымъ. Въдь это все *его* — и эти Ростовы, и Пьеръ, и Аустерлицкое поле, и умирающій князь Андрей: «Ничего нѣтъ въ жизни, кромѣ ничтожества всего понятнаго мнѣ, и величія чего-то непонятнаго, но важнѣйшаго...» Пьеру кто-то во снѣ говорилъ: «Жизнь есть любовь... Любить жизнь — любить Бога...» Это кто-то и мнѣ всегда говорить, и какъ люблю я все, даже вотъ эту дикую ночь! Но за что я такъ несчастень? Я хочу видѣть и любить весь міръ, всю землю, всѣхъ Наташъ и Марьянокъ, я во что бы то ни стало долженъ отсюда вырваться!

Въ кольцо вокругъ млечно-туманной луны было точно какое-то зловѣщее небесное знаменіе. Бѣдный, слегка склоненный на бокъ, ликъ ея все больше грустнѣлъ и туманился на бѣлосой мути неба, въ вышинѣ неслись и мѣшались, порой могильно закрывая этотъ ликъ, дымныя, свинцовыя, а то и совѣмъ темныя облака, съ сѣвера, изъ за ревушаго сада, поднималась черная туча и пахло по вѣтру снѣгомъ. А я ходилъ и думалъ:

— Да, больше нельзя такъ жить. Я не могъ бы, если бы даже имѣлъ десять незаложенныхъ Батуриныхъ. Вотъ они, эти молодые Толстые, вѣрно, счастливы, бражничая теперь гдѣ-нибудь на ночлегѣ, въ какой-нибудь лѣсной избѣ. А какъ-бы чуждъ оказался я имъ, попади я въ ихъ среду! Какъ это ужасно, что даже самъ Толстой въ молодости мечталъ больше всего о женитьбѣ, о семьѣ, о хозяйствѣ! А вотъ теперь все твердятъ о «работѣ на пользу народа», о «возмѣщеніи своего долга передъ народомъ...» Но никакого долга передъ народомъ я никогда не чувст-

воваль и не чувствую. Ни жертвовать собой за народъ, ни «служить» ему, ни играть, какъ говорить отецъ, въ партіи и вопросы на земскихъ собраніяхъ я не могу и не хочу... Нѣтъ, надо наконецъ на что-нибудь рѣшиться!

Я еще долго ходилъ и думалъ, тщетно искалъ, на что именно долженъ рѣшиться я, и вернулся въ домъ, совсѣмъ залутавшись въ беспорядочномъ и бесплодномъ думаньи. Печка потухла, лампа выгорѣла, пахла керосиномъ и свѣтила уже такъ слабо, что въ комнатѣ виденъ былъ невѣрный свѣтъ этой блѣдной и тревожной ночи. Я посидѣлъ возлѣ письменнаго стола, потомъ взялъ перо — и неожиданно сталъ писать брату Георгію, что ѣду на дняхъ искать какого-нибудь мѣста въ орловскомъ «Голосѣ»...

Х.

Это письмо и рѣшило мою судьбу.

Выѣхалъ я, конечно, не «на дняхъ», — нужно было сперва собрать хоть какія нибудь деньги въ дорогу, — но все равно: наконецъ выѣхалъ.

Помню мой послѣдній завтракъ дома. Помню, что лишь только былъ онъ конченъ, какъ послышался глухой шорохъ бубенчиковъ подъ окнами, и выросла за ними, совсѣмъ съ ними рядомъ, пара деревенскихъ, зимнихъ, лохматыхъ лошадей, — лохматыхъ и отъ снѣга, который непроглядно валилъ въ тотъ день густыми молочными хлопьями... Какъ, Боже мой, старо все это, всѣ подобные отъѣзды, а какъ мучительно-ново было для меня! Мнѣ показалось, что даже и снѣгъ валилъ въ тотъ день какой-то совсѣмъ особенный — такъ поразилъ онъ меня своей бѣлизной и свѣжестью въ ту минуту, когда, отягченный поверхъ лисей поддевки еще и отцовской енотовой шубой и сопровождаемый всѣмъ домомъ, я вышелъ садиться.

А потомъ былъ точно сонъ — долгая, безмолвная дорога, мѣрное покачиванье саней въ этомъ безконечно-бѣломъ царствѣ снѣжныхъ хлопьевъ, гдѣ не было ни земли, ни неба, а только какая-то неустанно текущая внизъ бѣлизна, да очаровательные зимніе дорожные запахи: лошадиной вони, мокраго енотоваго воротника, сѣрника и махорки при закуриваньи... А потомъ мелькнулъ въ этой бѣлизнѣ первый телеграфный столбъ, показались занесенные снѣгомъ, торчащіе изъ придорожныхъ сугробовъ, щиты, то есть, уже начало какой-то иной, не степной жизни, то, для русскаго челоуѣка всегда особое, волнующее, что называется желѣзной дорогой...

Когда пришелъ поѣздъ, я, простившись съ работникомъ, отдавъ ему шубу и наказавъ доправить въ Батурино тысячу поклоновъ, вошелъ въ людный третьеклассный вагонъ съ такимъ чувствомъ, точно отправлялся въ путь, которому и конца не предвидѣлось. Я даже долго дивился тому равнодушію, съ которымъ одни изъ пассажировъ пили чай и закусывали, другіе спали, третьи, отъ нечего дѣлать, все подбрасывали дрова въ желѣзную печку, и безъ того уже до-красна раскаленную, на весь вагонъ дышавшую пламенемъ. Я сидѣлъ и наслаждался даже этимъ сухимъ металлическимъ жаромъ, его березовымъ и чугуннымъ запахомъ, а за окнами все валилъ и валилъ сизобѣлый снѣгъ, и все время какъ будто близились сумерки...

XI.

Дальнѣйшее есть нѣчто очень странное: предчувствія мои были правильны — впереди ожидалъ меня и впрямь немалый, небудничный путь, цѣлые годы скитаній, бездомности, существованія безразсуднаго и безпорядочнаго, то безконечно счастливаго, то глубоко несчастнаго,

словомъ, всего того, что, очевидно, и подобало мнѣ и что, быть можетъ, только съ виду было такъ бесплодно и бессмысленно.

XII.

Въ тотъ зимній снѣжный день навсегда кончилось мое дѣтство, отрочество, ранняя молодость, — все, чѣмъ я жилъ съ самаго рожденія, что было лишь какъ бы долгимъ приготовленіемъ къ чему-то главному, что, собственно, и называется жизнью, житейскимъ поприщемъ, и въ тотъ же день и началось это поприще — очень, повторяю, странное.

Тѣ смутныя думы, съ которыми я тогда выѣхалъ, были полны необыкновенной грусти и нѣжности ко всему тому, съ чѣмъ я только что расстался, что покинулъ все-таки такъ безжалостно на тишину и одиночество въ Батуринѣ; я чувствовалъ тамъ даже свое собственное отсутствіе, видѣлъ свою опустѣвшую комнату, какъ бы хранившую въ своемъ почти набожномъ молчаніи нѣчто уже навѣки завершенное — меня прежняго. Но была въ этой грусти, конечно, и большая тайная радость, счастье наконецъ-то хоть какъ-нибудь осуществившейся мечты, какой-то свободы и воли, дѣятельности, движенія (къ чему-то тѣмъ болѣе заманчивому, что совсѣмъ еще неопредѣленно было оно). И, конечно, все росли эти чувства съ каждой новой станціей, такъ что все слабѣли первыя, пока не отступило наконецъ куда-то вдаль (во что-то милое, но уже почти чуждое) все прошлое, покинутое, и не осталось одно настоящее, которое понемногу дѣлалось все интереснѣй и явственнѣй: вотъ я уже нѣсколько освоился со множествомъ этихъ чужихъ, грубыхъ жизней и лицъ вокругъ себя, нѣсколько разобрался въ нихъ, и вмѣстѣ съ чувствами своими, личными, сталъ жить и чувствами къ нимъ, сталъ дѣлать о нихъ всякія предположенія, различать отъ

махорки табакъ Асмолова, узелъ на колѣняхъ бабы отъ расписанной подъ дубъ укладки, стоящей противъ меня подъ локтемъ новобранца; вотъ я уже замѣтилъ, что вагонъ довольно новъ и чистъ, что онъ желтый и рубчатый отъ планокъ, составляющихъ его нагрѣтыя чугуноккой стѣны, и очень душень отъ этихъ разныхъ табачныхъ дымовъ, въ общемъ очень ѣдкихъ, хотя и дающихъ пріятное чувство дружной человѣческой жизни, какъ-то оградившей себя отъ снѣговъ за окнами, гдѣ встаетъ и никнетъ, плыветъ и не кончается телеграфная проволока; а вотъ мнѣ уже хочется наружу, на снѣгъ и вѣтеръ, и я, качаясь, иду къ двери... Полевой снѣжный холодъ дуетъ въ сѣнцы вагона, кругомъ бѣлизна какихъ-то теперь уже совсѣмъ неизвѣстныхъ полей. Снѣгъ наконецъ рѣдѣетъ, стало свѣтлѣй и еще бѣлѣй, а поѣздъ межъ тѣмъ куда-то подходитъ и на нѣсколько минутъ останавливается: какой-то глухой полустанокъ, тишина, — только горячо сипитъ паровозъ впереди, — и во всемъ непонятная прелесть: и въ этомъ временномъ оцѣпенѣньи и молчаньи, и въ паровозной сияющей выжидательности, и даже какъ будто въ томъ, что вокзала не видно за красной стѣной товарныхъ вагоновъ, стоящихъ на первомъ пути, на обтаявшихъ рельсахъ, среди которыхъ спокойно, по домашнему ходить и поклевываетъ курица, осужденная мирно провести весь свой куриный вѣкъ почему-то именно на этомъ полустанкѣ и совсѣмъ неинтересующаяся тѣмъ, куда и зачѣмъ ѣдешь ты со всѣми своими мечтами и чувствами, вѣчная и высокая радость которыхъ связывается съ вещами внѣшне столь ничтожными и обыденными...

Когда потомъ стало близиться къ вечеру, все перешло лишь въ одно — въ ожиданіе первой большой станціи. И задолго до нея я олять зябъ въ сѣнцахъ, пока не увидаль наконецъ впереди, въ непривѣтливыхъ сумеркахъ, многихъ разноцвѣтныхъ огней, во всѣ стороны расходящихся

рельсъ, постовъ, стрѣлокъ, запасныхъ паровозовъ, а затѣмъ и вокзала съ черной отъ толпы платформой, внутри ярко освѣщеннаго лампами... Легко представить себѣ, съ какой желѣзнодорожной поспѣшностью кинулся я въ пахучій и свѣтлый буфетъ со многими прочими, — со всѣмъ, какъ равный имъ, — и сталъ обжигаться какими-то вкуснѣйшими въ мірѣ шами!

Послѣдствія всего этого были довольно неожиданныя, — по крайней мѣрѣ какъ будто-бы: съ большимъ удовлетвореніемъ сидя послѣ обѣда съ папиросой возлѣ черныхъ оконныхъ стеколъ вновь гремѣвшаго вагона, въ дымномъ полусвѣтѣ толстой казенной свѣчи, горѣвшей въ углу въ фонарѣ, думалъ я о томъ, что вотъ, какъ это ни странно, скоро и цѣль моего путешествія, тотъ самый Орель, котораго я еще почти никакъ не представляю себѣ, но который уже однимъ тѣмъ удивителенъ, что тамъ, вдоль вокзала — великій пролетъ сверху внизъ по всей картѣ Россіи: на сѣверъ — въ Москву и выше, на югъ — въ Курскъ и въ Харьковъ, а главное—въ тотъ самый Севастополь, гдѣ какъ будто навѣки осталась молодая отцовская жизнь... И я вдругъ сказалъ себѣ: да ужели и правда, что я ѣду въ какой-то «Голосъ», на какую-то службу? Тамъ, конечно, тоже было нѣчто такое, что влекло ужасно, — какая-то редація, какая-то типографія. Но Курскъ, Харьковъ, Севастополь... «Нѣтъ, все это вздоръ! — вдругъ сказалъ я себѣ. — Въ Орель я лишь заѣду, познакомлюсь, узнаю, что мнѣ предложить, скажу, что мнѣ надо подумать, повидаться съ братомъ... Заѣду — и поѣду въ Харьковъ, благо денегъ мнѣ дали достаточно...»

Но оказалось, что даже и заѣзжать не слѣдуетъ. Вышло еще лучше, чѣмъ я предполагалъ: какъ нарочно попалъ я въ Орель съ опозданіемъ, какъ разъ къ приходу сверху поѣзда на Харьковъ. И поѣздъ, какъ нарочно, былъ чудесный, никогда еще невиданный мной — скорый, съ американскимъ страшнымъ паровозомъ, весь изъ тяже-

лыхъ и большихъ вагоновъ лишь перваго и втораго класса. съ шерстяными занавѣсками на окнахъ, съ полутемнымъ свѣтомъ изъ-подъ синяго шелка, со всѣмъ тѣмъ тепломъ и уютомъ богатаго міра, провести ночь въ которомъ (да еще въ пути къ югу) мнѣ показалось уже со-всѣмъ неотразимымъ счастьемъ . . .

ХІІІ.

Въ Харьковѣ я сразу попалъ въ совершенно новый для меня міръ.

Въ числѣ моихъ особенностей всегда была повышенная воспримчивость къ свѣту и воздуху, къ малѣйшему ихъ различію. И вотъ первое, что поразило меня въ Харьковѣ: мягкость воздуха и то, что свѣта въ немъ было какъ будто немного больше, чѣмъ у насъ. Я вышелъ изъ вокзала, сѣлъ въ извозчичы сани, --- извозчики, оказалось, ѣздили тутъ парой, съ глухарями-бубенчиками, и разговаривали другъ съ другомъ на вы, — оглянулся вокругъ и сразу почувствовалъ во всемъ что-то не совсѣмъ наше, болѣе мягкое и свѣтлое, даже какъ будто весеннее. И здѣсь было снѣжно и бѣло, но бѣлизна была какая-то иная, приятно слѣпящая. Солнца не было, но свѣта было много, больше во всякомъ случаѣ, чѣмъ полагалось для декабря, и его теплое присутствіе за облаками обѣщало что-то очень хорошее. И все было мягче въ этомъ свѣтѣ и воздухѣ; запахъ каменнаго угля изъ-за вокзала, лица и говоръ извозчиковъ, громыханье на парныхъ лошадяхъ бубенчиковъ, ласковое зазыванье бабъ, продававшихъ на площади передъ вокзаломъ бублики и сѣмьчки, сѣрый-хлѣбъ и сало. А за площадью стоялъ рядъ высочайшихъ тополей, голыхъ, но тоже необыкновенно южныхъ, малорусскихъ. А въ городѣ на улицахъ таяло . . .

Однако, все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что

сжидало меня въ тотъ день далѣе: такого количества новыхъ чувствъ я еще никогда не испытывалъ, столько знакомствъ за всю свою жизнь не дѣлалъ. Бываетъ такъ, что въ первый же день по прїездѣ куда-нибудь попадаешь на рѣдкое обиліе впечатлѣній и встрѣчъ. Такъ было и со мной въ тотъ день.

Въ братѣ, который встрѣтилъ меня съ радостнымъ изумленіемъ, оказалось тоже что-то новое, -- онъ тутъ, въ Харьковѣ, былъ какъ будто какой-то другой, чѣмъ въ Батуринѣ, моложе, милѣй, хотя какъ будто и менѣе близокъ мнѣ, несмотря на всю радость, съ которой мы встрѣтились. А какъ странна была, кромѣ того, его харьковская жизнь! Пусть и впрямь былъ онъ «вѣчный студентъ», по выраженію отца, по вѣдь все-таки былъ онъ Арсеньевъ. А гдѣ же нашель я его? Въ какой-то узкой улочкѣ, идущей подъ гору, въ каменномъ и грязномъ дворѣ, густо пахнущемъ каменнымъ углемъ и еврейскими кухнями, въ тѣсной квартиркѣ какого-то многосемейнаго портного Блюмкина... Правда, даже и это было страшно хорошо своей новизной, но все же я былъ пораженъ.

— Ну, какъ отлично, что ты попалъ въ воскресенье и засталъ меня! — сказалъ братъ, расцѣловавшись со мной. — Хотя, собственно, зачѣмъ ты прїѣхалъ? — тотчасъ же прибавилъ онъ, стараясь говорить въ томъ вѣчно насмѣшливомъ тонѣ, который былъ такъ принятъ въ нашей семьѣ, а глазами смѣясь.

И я, тоже невольно смѣясь — и отъ удовольствія встрѣчи и отъ какой-то прїятной неловкости, — отвѣтилъ, что и самъ не знаю, зачѣмъ... затѣмъ, конечно, чтобы посовѣтоваться наконецъ серьезно, какъ же мнѣ въ самомъ дѣлѣ быть съ собой? Но братъ уже не слушалъ, — «обдумаемъ какъ нибудь!» увѣренно сказалъ онъ, -- и тотчасъ же сталъ торопить меня умыться, прїодѣться и идти обѣдать съ нимъ въ кухмистерскую какого-то «пана» Лисовскаго, гдѣ всегда обѣдали многіе изъ его сослу-

живцевъ по земской статистикѣ. И вотъ мы вышли и пошли изъ улицы въ улицу, продолжая что попало говорить съ обычной въ такихъ случаяхъ беспорядочностью, межъ тѣмъ какъ у меня, — одѣтаго уже горожаниномъ и очень это чувствующаго, — глаза разбѣгались на эти улицы, казавшіяся мнѣ совершенно великолѣпными, и на то, что окружало меня: послѣ полудня стало совсѣмъ солнечно, всюду блестѣло, таяло, тополя на Сумской улицѣ возносились верхушками къ пухлымъ бѣлымъ облакамъ, плывшимъ по влажно-голубому, точно слегка дымящемуся небу...

А у пана Лисовскаго оказался необыкновенно интересный низокъ, стойка съ превосходными и удивительно дешевыми закусками, — особенно хороши были, какъ огонь, горячіе и страшно перченые блинчатые пирожки по двѣ копейки штука, — и множество обѣдающихъ чиновниковъ, весьма удивившихъ меня своей простонародностью, столь свойственной Малороссіи. Когда же мы сѣли за большой отдѣльный столъ, стали подходить и присоединяться къ намъ люди уже и совсѣмъ для меня странные, на которыхъ я смотрѣлъ тѣмъ болѣе жадно, что все это были какъ разъ тѣ самые (какъ будто совсѣмъ особые отъ всѣхъ прочихъ) люди, о которыхъ я столько наслушался отъ брата еще въ Батуринѣ. Со всѣми съ ними братъ знакомилъ меня почему-то съ радостной поспѣшностью и даже какъ будто съ гордостью:

— Представьте, только что пріѣхалъ! — говорилъ онъ, чему-то смѣясь.

И вскорѣ у меня уже голова кругомъ шла: и отъ этого совершенно для меня непривычнаго и столь замѣчательнаго общества, и отъ этого люднаго низка, въ полуподвальные окна котораго по весеннему весело блестѣлъ сверху солнечный свѣтъ и видны были всяческія ноги идущихъ взадъ и впередъ по улицѣ, и отъ краснаго горячаго борща, и отъ того, что весьма оживленный разговоръ за

нашимъ столомъ шель все о чемъ-то совсѣмъ неизвѣстномъ, а межъ тѣмъ казавшемся чрезвычайно интереснымъ мнѣ: о знаменитомъ статистикѣ Анненскомъ, имя котораго произносилось съ неизмѣннымъ восхищеніемъ, о какомъ-то волжскомъ губернаторѣ, который будто бы по-роль голодающихъ мужиковъ, чтобы они не распространяли слуховъ о своемъ голодѣ, о предстоящемъ въ Москвѣ Пироговскомъ съѣздѣ, который, какъ всегда, долженъ быть цѣлымъ событіемъ, и о томъ, какъ «реагировать» на вчерашнюю выходку — «вѣрнѣе, доносъ» — председателя губернскаго земскаго собранія, сказавшаго, что «харьковское земское статистическое бюро уже давно прославилось на всю Россію своей крамольностью...» Легко представляю себѣ, до чего рѣзко выдѣлялся я за этимъ обѣдомъ своей юностью, свѣжестью, деревенскимъ загаромъ, здоровьемъ, простосердечностью, горячей и напряженной внимательностью слуха и зрѣнія, видѣ имѣвшей, вѣроятно, даже глупости и отупѣнія! Очень выдѣлялся и братъ. И онъ былъ изъ какого-то совсѣмъ другого міра, чѣмъ всѣ прочіе, несмотря на всю близость къ нимъ; и онъ казался моложе и какъ будто наивнѣй всѣхъ, имѣлъ какой-то болѣе тонкій видъ и даже иной языкъ.

Многіе изъ всего этого общества были, какъ я понималъ въ послѣдствіи, очень типичны и по внѣшности и по всему прочему. Нѣкоторыхъ я втайнѣ уже не одобрилъ кое въ чемъ: одинъ, очень длинный и узкогрудый, былъ слишкомъ близорукъ и все сутулился, все держалъ руку въ карманѣ штановъ и все мелко трясъ ногой, на которой лежала другая, чудодѣйственно заплетенная за нее винтомъ нога; другой, желтоволосый, прозрачно-желтый и худой лицомъ, говорилъ, какъ мнѣ казалось, черезчуръ много, горячо и вдохновенно и, не глядя на папиросу, все сбивалъ съ нея пепель вытянутымъ костлявымъ указательнымъ пальцемъ той же руки, въ которой держалъ ее; а слѣдующій все чему-то ѣдко ухмылялся,

дѣлая то, что мнѣ было особенно неприятно: все каталъ по скатерти двумя пальцами катышку бѣлаго хлѣба, уже давно ставшую грязной... Но зато нѣкоторые другіе были чрезвычайно милы: полякъ Ганскій съ глубокими и скорбными глазами и залекшимися губами, курившій неустанно, глубоко затягиваясь и поминутно поджигая и безъ того горящую папиросу дрожащей рукой; огромнѣйшій ростомъ и живописно-кудрлатый Краснопольскій, недавно уволенный съ пятого курса медикъ, въ очкахъ, но похожій на Іоанна Крестителя; бородатый Леонтовичъ, который былъ старше и, какъ статистикъ, извѣстнѣй всѣхъ и сразу очаровалъ меня своей порядочностью, ласковымъ спокойствіемъ, доброжелательной разсудительностью и, главное, необыкновенно пріятнымъ, чисто малорусскимъ звукомъ грудного голоса; затѣмъ нѣкто Падалка, маленькій, остроносенькій и тоже въ очкахъ, до нельзя разсѣянный, неистово пылкій, все на что-то страстно негодовавшій и вмѣстѣ съ тѣмъ такой дѣтски чистый, искренній, что я тотчасъ же полюбилъ его еще болѣе, чѣмъ Леонтовича. Ужасно понравился мнѣ еще статистикъ Вагинъ, — статистикъ, какъ я узналъ потомъ, такой заядлый, что для него, казалось, во всемъ мірѣ не существовало ничего, кромѣ статистики, — крѣпкій, рослый, бѣлозубый, по мужицки красивый и веселый, — онъ и былъ изъ мужиковъ, — хохотавшій раскатисто и заразительно, говорившій крупно, окая... И ужасную неприязнь возбуждали два человѣка: бывший рабочій Быковъ, коренастый парень въ блузѣ, въ кудрявой головѣ котораго, въ толстой шеѣ и выкаченныхъ глазахъ было и впрямь что-то бычье, и еще одинъ, по фамиліи Мельникъ: весь какой-то дохлый, чахлый, несочно-рыжій, золотушный, подслѣпный и гнусавый, но необыкновенно рѣзкій и самонадѣянный въ сужденіяхъ, — много лѣтъ спустя оказавшійся, къ моему крайнему изумленію, большимъ лицомъ, какимъ-то «хлѣбнымъ диктаторомъ»...

XIV.

Въ средѣ подобныхъ людей я и провелъ мою первую харьковскую зиму (да и многіе годы впослѣдствіи).

Извѣстно, что это была за среда, какъ слагалась, жила и вѣровала она.

Замѣчательнѣй всего то, что члены ея, пройдя еще на школьной скамьѣ все то особое, что полагалось имъ для начала, то есть какой-нибудь кружокъ, затѣмъ участіе во всякихъ студенческихъ «движеніяхъ» и въ той или иной «работѣ», затѣмъ высылку, тюрьму или ссылку и такъ или иначе продолжая эту «работу» и потомъ, жили, въ общемъ, очень обособленно отъ прочихъ русскихъ людей, даже какъ бы и за людсѣй не считая всякихъ практическихъ дѣятелей, купцовъ, земледѣльцевъ, врачей и педагоговъ (чуждыхъ политикѣ), чиновниковъ, духовныхъ, военныхъ и особенно полицейскихъ и жандармовъ, малѣйшее общеніе съ которыми считалось не только позорнымъ, но даже преступнымъ, и имѣли все свое, особое и непоколебимое: свои дѣла, свои интересы, свои событія, своихъ знаменитостей, свою нравственность, свои любовныя, семейныя и дружескія обычаи и свое собственное отношеніе къ Россіи: отрицаніе ея прошлаго и настоящаго и мечту о ея будущемъ, вѣру въ это будущее, за которое и нужно было «бороться». Въ этой средѣ были, конечно, люди весьма разные не только по степени революціонности, «любви» къ народу и ненависти къ его «врагамъ», но и по всему внѣшнему и внутреннему облику. Однако, въ общемъ, всѣ были достаточно узки, прямолинейны, нетерпимы, исповѣдывали нѣчто достаточно несложное: люди это только мы да всякіе «униженные и оскорбленные»; все

злое — направо, все доброе — налѣво; все свѣтлое — въ народѣ, въ его «устояхъ и чаяніяхъ»; всѣ бѣды — въ образѣ правленія и дурныхъ правителей (которые почитались какъ будто даже за какое-то особое племя); все спасеніе — въ переворотѣ, въ конституціи или республикѣ...

И вотъ къ этой-то средѣ и присоединился я въ Харьковѣ, гдѣ оказался достаточно вѣрный и полный образецъ ея.

Попавъ въ Харьковъ, я присоединился къ ней тотчасъ же и даже не вышше только, хотя ужъ какъ не подобала она мнѣ!

Къ чему другому могъ присоединиться я? Я былъ полонъ жаднаго любопытства ко всему и ко всѣмъ. Въ Харьковѣ окружала меня уже большая и разнообразная жизнь. И я на все смотрѣлъ во всѣ глаза, втайнѣ хотѣлъ попасть во всѣ круги ея. Но какъ я могъ проникнуть въ нихъ? Никакой посредствующей связи у меня съ ними не было, да я и не искалъ ея: надъ желаніемъ проникнуть въ нихъ уже преобладало чувство и сознаніе, что, если и есть многое, что совсѣмъ не по мнѣ въ моемъ новомъ кругу, то очень и очень многое будетъ въ другихъ кругахъ не по мнѣ еще болѣе, ибо что общаго было у меня, напри- мѣръ, съ купцами, съ чиновниками? Да многое въ этомъ кругу было просто пріятно мнѣ. Знакомства мои въ немъ быстро расширялись, и мнѣ нравилась легкость, съ которой можно было дѣлать это въ немъ. Нравилась студенческая скромность его существованія, простота обычаевъ, обращенія другъ съ другомъ. Очень нравились нѣкоторыя отдѣльныя лица — особенно по вышности, которой для меня всегда опредѣлялось все прочее. Кромѣ того, и жило въ этомъ кругу довольно весело. Утромъ — сборище на службѣ, гдѣ не мало чаепитія, куренья и споровъ; затѣмъ оживленная трапеза, такъ какъ обѣдали почти всѣ компаніями, по кухмистерскимъ; вечеромъ — новое сборище: на какомъ-нибудь засѣданіи, на какой-ни-

будь вечернякъ или на дому у кого-нибудь... Мы въ ту зиму чаще всего бывали у Ганскаго, человѣка довольно состоятельнаго, затѣмъ у Шкляревичъ, богатой и красивой вдовы, гдѣ нерѣдко бывали знаменитые малорусскіе актеры, пѣвшіе пѣсни о «вѣльномъ казацествѣ» и даже свою марсельезу — «До зброи, громада!» - или же въ гостепріимномъ домѣ одного крупнаго желѣзнодорожника, человѣка во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпнаго, упитаннаго сорокалѣтняго красавца восточнаго типа, плотояднаго, талантливаго, ѣдко и какъ-то пренебрежительно остроумнаго, все и вся презиравашаго, не вѣрившаго ни во что рѣшительно, кромѣ того, что совершенно необходимо съ лица земли стереть всѣ сущія въ Россіи порядки и обычаи, и угощавшаго насъ шамбертенемъ и сигарами...

А не по мнѣ было въ этомъ кругу тоже многое. По мѣрѣ того какъ я привыкалъ и присматривался къ нему, я все чаще и чаще возмущался въ немъ то тѣмъ, то другимъ и даже порой не скрывалъ своего возмущенія, пускался въ горячій и, конечно, напрасный споръ то по одному, то по другому поводу, благо большинство полюбило меня и прощало мнѣ мои возмущенія. Я чувствовалъ, что все больше проникаюсь огульнымъ предубѣжденіемъ противъ всѣхъ другихъ круговъ, а что нахожу въ своемъ? Дѣвочкамъ и мальчикамъ даютъ тутъ читать политическую экономію, сами читаютъ только Короленко, Златовратскаго, а напримѣръ, Чехова презираютъ за политическое безразличіе, Толстого всячески поносятъ за «постыднѣйшую и вреднѣйшую проповѣдь недѣланія», за то, что онъ «носится съ Богомъ, какъ съ писаной торбой» и, поигравъ въ пахаря или сапожника, садится за «роскошный» столъ, въ то время какъ тотъ же яснополянской мужикъ, въ любви къ которому онъ такъ распинается, «пухнетъ съ голоду»; о художественной литературѣ говорятъ впрочемъ такъ, что въ меня, вопреки всѣмъ моимъ возмущеніямъ, все таки съ каждымъ днемъ все больше и больше

внѣдряется тайный страхъ, что, можетъ быть, и впрямь вотъ этого никакъ нельзя писать, а вотъ это никому не нужно, а вотъ это (о бѣдномъ Макарьѣ или о жизни ссыльныхъ) единственно необходимо; всегда готовы на все за благо Россіи, а всѣ русскія сословія, кромѣ самаго темнаго и нищаго, взяли подъ самое строгое подозрѣніе; времена «Отечественныхъ Записокъ» считаютъ золотымъ вѣкомъ, а ихъ закрытіе однимъ изъ самыхъ большихъ и страшныхъ событій всей русской жизни, свое же время называютъ безвременьемъ — «бывали хуже времена, но не было подлѣй» — и увѣряютъ, будто бы вся Россія отъ этого безвременья «задыхается»; клеймятъ «ренегатомъ» всякаго, кто хоть мало мальски усумнился въ чемъ-нибудь ими узаконенномъ и поминутно издѣваются надъ чьей-нибудь «умѣренностью и аккуратностью»; пресерьезно восхищаются тѣмъ, напримѣръ, что жена Вагина организуетъ какія-то воскресныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ и сама готовитъ одно такое чтеніе — «объ огнедышащихъ горахъ»; на вечеринкахъ поютъ даже бородатые: «Вихри враждебные вѣютъ надъ нами» — а я чувствую такую ложь этихъ «вихрей», такую искренность выдуманныхъ на всю жизнь чувствъ и мыслей и такую неподобающую возрастамъ чувствительность, что не знаю, куда глаза дѣвать, и меня спрашиваютъ:

— А вы, Алеша, опять кривите свои поэтическія губы? Чему собственно?

Это спрашиваетъ жена Богданова, того самаго статистика, который такъ непостижимо для меня умѣетъ винтомъ заплетать нога за ногу. У Богдановыхъ большой вечеръ, въ маленькой квартирѣ ихъ многолюдство и табачный дымъ, со стола не сходитъ самоваръ, углы полны опустѣвшими пивными бутылками: собрались въ честь тайно пріѣхавшаго въ Харьковъ стараго, знаменитаго «борца», прославившагося своей огромной и жестокой дѣятельностью, безъ счета сидѣвшаго по крѣпостямъ, нѣ-

сколько разъ попадавшего за полярный кругъ и отовсюду убѣгавшаго, человѣка съ виду совѣмъ пещернаго, густобородаго и неуклюжаго, съ волосами въ ноздряхъ и ушахъ, маленькіе глазки котораго глядятъ, однако, чрезвычайно умно и провицательно, а рѣчь льется съ удивительной плавностью, точно по писаному. Самъ Богдановъ всячески незначителенъ, но жена его давно и заслуженно пользуется извѣстностью: кого только не знала она на своемъ вѣку, въ какихъ только предпріятіяхъ не участвовала! Она была когда-то хорошенькая, имѣла множество поклонниковъ, до сихъ поръ весела и бойка, на языкъ остра и находчива, отбрить можетъ всякаго съ рѣдкой логикой, тонка и моложава, на вечеринки принаряжается, — портить ее только пенснэ, защепившее кожу на ея переносицѣ. Она меня любитъ, но пробираетъ на каждомъ шагу. Теперь я «губы кривлю» потому, что, вдоволь наслушавшись знаменитости, вдоволь наговорившись и порядочно выпивъ, уже поютъ въ одномъ углу: «Мы пошлемъ всѣмъ злодѣямъ проклятье, на борьбу всѣхъ борцовъ позовемъ!» — Мнѣ тяжело, неловко, и хозяйка, сидящая возле меня на диванѣ съ тонкой папирской въ рукѣ, замѣчаетъ это и немного раздражается. Я не знаю, что ей отвѣтить, не умѣю себя выразить, и она, не дожидаясь моего отвѣта, звонко затягиваетъ: «Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови...» Мнѣ это кажется просто ужасно — да кто это ужъ такъ ликуетъ, думаю я, кто болтаетъ и обагряетъ! А потомъ идетъ нѣчто еще болѣе для меня ненавистное своимъ студенческимъ молодечествомъ: «Изъ страны, страны далекой, съ Волги матушки широкой, ради славнаго труда, ради вольности веселой, собралися мы сюда...» Я даже отворачиваюсь отъ этой Волги-матушки и славнаго труда и вижу, какъ Браиловская, прелестная дѣвочка, молчаливая и страстная, съ пылкими и пытливыми архангельскими глазами, глядитъ на меня изъ угла съ какой-то вызывающей прямою ненависти...

Я не былъ правѣ ихъ въ общемъ, то есть въ своей легкомысленной революціонности, въ искренней жадѣ добраго, человѣчнаго, справедливаго, но я просто не могъ слушать, когда мнѣ даже шутя (а все таки, разумѣется, наставительно) напоминали: «Поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ!» — когда въ меня вѣдряли эту обязательность, когда мнѣ, хотя бы косвенно, иносказательно, проповѣдывали, что весь смыслъ жизни заключается «въ работѣ на пользу общества», то есть мужика или рабочаго. Я изъ себя выходилъ: какъ, я долженъ принести себя въ жертву какому-нибудь вѣчно пьяному слесарю или безлошадному Климу, да и Климу-то не живому, а собирательному, котораго они, въ сущности, и знать не желаютъ, котораго въ жизни замѣчаютъ такъ же мало, какъ любого ѣдущаго по улицѣ извозчика, въ то время какъ я дѣйствительно любилъ и люблю нѣкоторыхъ своихъ батуринскихъ Климовъ всѣмъ сердцемъ и послѣднюю копейку готовъ отдать какому-нибудь бродячему пыльщику, робко и неловко бредущему по городу съ мѣшкомъ и пилой за плечами и застѣнчиво говорящему мнѣ, нищему молодому человѣку, наивную и трогательную глупость: «Работки у васъ, барчукъ, не найдется какой?» — да не только копейку отдать, а кого-то за горло схватить за него! Я постигнуть не могъ, какъ это можно говорить, будто бы даже и умереть можно спокойно, «честно поработавъ на пользу общества»: это перевертывало всю мою душу своей дерзостью по отношенію къ ней. Я уже истинно страдалъ при этихъ вѣчныхъ цитатахъ изъ Щедрина объ Іудушкахъ, о городѣ Глуповѣ и градоначальникахъ, вѣзжающихъ въ него на бѣломъ конѣ, зубы стискивалъ, видя на стѣнѣ чуть не каждой знакомой квартиры очки и птичье лицо Чернышевскаго или худого, какъ смерть, съ огромными и страшными глазами Бѣлинскаго, приподнимающагося со своего смертнаго ложа навстрѣчу показавшимся въ дверяхъ его кабинета жандармамъ.

Были кромѣ того въ этомъ кругу и Быковы, Мельники... Трудно было, глядя на ихъ лица, освоиться съ мыслью, будто они тоже работники на какое-то прекрасное будущее, а сами себя считаютъ даже въ числѣ главнѣйшихъ знатоковъ и устроителей человѣческихъ благъ.

И былъ еще одинъ, извѣстный подъ кличкой Максъ, отъ времени до времени появлявшійся откуда-то въ Харьковѣ: рослый, на кривыхъ и крѣпкихъ, какъ дубовые корни, ногахъ, въ толстыхъ швейцарскихъ ботинкахъ, подбитыхъ гвоздями, очень спокойный и дѣловитый, очень точный на слова, съ загорѣлымъ грубоватымъ лицомъ и съ большимъ, кругло и круто расширяющимся надъ нимъ горшкомъ черепа. Онъ необыкновенно мало ѣлъ, мало спалъ и все ѣхалъ и ѣхалъ куда-то безъ всякой усталости ..

XV.

Такъ прошла зима.

По утрамъ, пока братъ былъ на службѣ, я бродилъ по городу, сидѣлъ читалъ въ публичной библиотекѣ. Потомъ опять шелъ бродить, думать о прочитанномъ, о прохожихъ и проѣзжихъ, о томъ, что почти всѣ они, вѣрно, по своему счастливы и спокойны -- заняты каждый своимъ дѣломъ и болѣе или менѣе обеспечены, межъ тѣмъ какъ я только томлюсь смутнымъ и напраснымъ желаніемъ писать что-то такое, чего и самъ не могу понять, что-то ни о чемъ и обо всемъ, на что у меня нѣтъ ни смѣлости рѣшиться, ни умѣнья взяться и что я все откладываю на какое-то будущее, а бѣденъ настолько, что не могу позволить себѣ осуществить свою жалкую завѣтную мечту — купить хорошенькую записную книжку: это было тѣмъ болѣе горько, что, казалось, отъ этой книжки зависеть очень многое — вся бы жизнь пошла какъ-то иначе, болѣе бодро и дѣятельно, потому что мало-ли что можно

было записать въ нее! Уже наступала весна, я только что прочелъ собраніе малорусскихъ «Думъ» Драгоманова. былъ совершенно плѣненъ «Словомъ о полку Игоревѣ», нечаянно перечитавъ его и вдругъ понявъ всю его несказанную красоту, и вотъ меня уже опять тянуло въ даль, вонъ изъ Харькова: и на Донецъ, воспѣтый пѣвцомъ Игоря, и туда, гдѣ все еще, казалось, стоитъ на городской стѣнѣ, все на той-же древней ранней утренней зарѣ, молодая Княгиня Евфросинія, и на Черное море казацкихъ времянь, гдѣ на какомъ-то «біломъ камині» сидитъ какой-то дивный «сокіль-білозірець», и на ровные «шляхи полтавскіи», а вмѣстѣ съ тѣмъ опять въ молодость отца, въ Севастополь...

Такъ убиваль я утро, а потомъ шель къ пану Лисовскому — возвращался къ дѣйствительности, къ этимъ застольнымъ бесѣдамъ и спорамъ, уже ставшимъ для меня привычными, буднично-интересными. Потомъ мы съ братомъ отдыхали, болтали и валялись на постеляхъ въ нашей каморкѣ, гдѣ послѣ обѣда особенно густо пахло сквозь двери еврейской трапезой, чѣмъ-то теплымъ, душисто-щелочнымъ. Потомъ мы немного работали, — мнѣ тоже давали иногда изъ бюро кое-какіе подсчеты и сводки. А тамъ мы опять шли куда-нибудь на люди...

Я, помню, больше всего любилъ бывать у Ганскаго. Онъ былъ прекрасный музыкантъ, иногда игралъ для насъ по цѣлымъ вечерамъ. Станный, совершенно дотоли невѣдомый мнѣ, сладостно и мучительно возвышенный міръ открывалъ онъ мнѣ, міръ, въ который вступалъ я съ восторженной и жуткой радостью при первыхъ же звукахъ, чтобы тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ обрѣсти тотъ величайшій изъ обмановъ (мнимой божественной возможности быть всеблаженнымъ, всемогущимъ, всезнающимъ), который даетъ только музыка да инныя минуты поэтическаго вдохновенія! И странно было видѣть и самого Ганска-

го, человѣка столь крайняго въ своей революціонности, — хотя онъ рѣже и сдержаннѣй всѣхъ проявлялъ ее, — сидящимъ за піанино, съ губами уже до черноты спекшимися отъ той-все разгорающейся, напряженной страсти, съ которой всегда игралъ онъ. Звуки куда-то вели, шли. тактъ за тактомъ, настойчиво, изысканно-плавно, ликующе, такъ безсмысленно-божественно-весело, что становились почти страшными, и чудесно-трагическій образъ вставалъ передъ моимъ воображеніемъ: мнѣ все думалось, что непременно сойдетъ когда-нибудь Ганскій съ ума и тогда, въ своей узкой камерѣ съ рѣшеткой въ окнѣ, со своими горящими губами, съ экстатическимъ взоромъ и сѣрымъ халатомъ, будетъ уже непрерывно жить и безъ музыки въ подобномъ же бессмысленно-радостномъ, обманчиво-возвышенномъ мірѣ...

Ганскій однажды рассказывалъ, какъ онъ, еще юношей, былъ въ Зальцбургѣ въ домѣ Моцарта и видѣлъ его старинные, узенькіе клавикорды, а рядомъ—стеклянную витрину, гдѣ лежалъ его черепъ. Я подумалъ: «Еще юношей! А я?» И мнѣ стало такъ горько, такъ обидно, что я едва усидѣлъ на мѣстѣ — такое страстное желаніе внезапно овладѣло мной тотчасъ же бѣжать домой, сѣсть, не теряя ни минуты, за какую-то поэму или повѣсть, написать что-то необыкновенное, сразу прославиться, стать знаменитымъ — и уѣхать въ Зальцбургъ, чтобы собственными глазами увидѣть и эти клавикорды и этотъ черепъ...

Много лѣтъ спустя я осуществилъ эту мечту, всегда тайно жившую во мнѣ съ тѣхъ поръ, среди множества прочихъ, давнихъ и завѣтныхъ: видѣлъ и Зальцбургъ, и черепъ, и клавикорды. Клавиши ихъ были совершенно одного цвѣта съ черепомъ, и мнѣ все хотѣлось наклониться и поцѣловать ихъ, приложиться къ нимъ. А самъ черепъ былъ неправдоподобно малъ, совершенно младенческій...

XVI.

Ранней весной я поѣхалъ въ Крымъ.

Мнѣ достали бесплатный билетъ, я долженъ былъ ѣхать подъ чьимъ-то чужимъ именемъ, выдавая себя за какого-то желѣзнодорожнаго рабочаго... Въ большихъ лишеніяхъ проходила моя молодость!

Я тогда впервые почувствовалъ значеніе въ жизни имени, мнѣ потомъ всю дорогу пришлось какъ-то преодолевать то чужое, оскорбительное, что пришлось мнѣ принять вмѣстѣ съ именемъ этого рабочаго. Да пришлось преодолевать и не это одно. Вотъ хотя бы то, что выѣхалъ я въ такой тѣснотѣ и мерзости, какихъ я еще никогда не испытывалъ, въ ночномъ почтовомъ поѣздѣ, прямо страшномъ своей длиной. Онъ и пришелъ переполненный, а на платформѣ въ Харьковѣ осадилъ его новая несмѣтная орда ѣхавшихъ на югъ на заработки, со всѣми своими мѣшками, котомками и привязанными къ нимъ лаптями и онучами, съ чайниками и вонючими съѣстными запасами: ржавыми таранками, печеными яйцами... Кромѣ того время было уже позднее, такъ что мнѣ тотчасъ же предстояла бессонная ночь, затѣмъ долгій день, а тамъ новая ночь безъ сна... Но я шелъ на все — гдѣ-то тамъ, вдали, ждала меня отцовская молодость.

Видѣніе этой молодости жило во мнѣ съ младенчества. Это былъ какой-то безконечно-давній свѣтлый предосенній день. Въ этомъ днѣ было что-то очень грустное, но и безконечно счастливое. Было что-то, что связывалось съ моимъ смутнымъ представленіемъ дней Крымской

войны: какіе-то редуты, какіе-то штурмы, какіе-то солдаты того особеннаго времени, что называлось «крѣпостнымъ» временемъ, и смерть на Малаховомъ курганѣ дяди Николая Сергѣевича, великана и красавца полковника, чловѣка богатаго и блестящаго, память котораго была въ нашей семьѣ всегда окружена легендой. А главное — былъ въ этомъ днѣ какой-то пустынный и свѣтлый приморскій холмъ, а на этомъ холмѣ, среди камней, какіе-то бѣлые цвѣты вродѣ подснежниковъ, что росли на немъ только потому, разумѣется, что еще въ младенствѣ слышалъ я какъ-то зимой, въ снѣжный солнечный день, слова отца:

— А мы, бывало, въ Крыму, въ это время цвѣточки рвали въ однихъ мундирчикахъ!

Что же я нашель въ дѣйствительности?

Помню, что на разсвѣтѣ первой ночи я очнулся въ своемъ тѣсномъ углу на какой-то степной станціи, уже далеко отъ Харькова. Еще догорала свѣча въ углу, солнца еще не было, но было уже совсѣмъ свѣтло и розово. Я съ изумленіемъ оглянулъ тяжко-безобразную картину какъ попало спящихъ въ этомъ розовомъ, со всѣмъ ихъ зловоніемъ и повсюду наваленнымъ скорбомъ, и сейчасъ же открылъ окно. Боже, какая заря была! Мертвая тишина вездѣ, розовымъ огнемъ горить вдали востокъ, въ воздухѣ та дивная свѣжесть и ясность, что бываетъ лишь ранней весной, на разсвѣтѣ, въ степи; въ тишинѣ свѣжо и сладостно, по весеннему, поютъ невидимые въ небѣ жаворонки, вправо и влѣво тянется неподвижная стѣна нашего поѣзда, а въ двухъ шагахъ отъ насъ, на безконечной и гладкой, какъ токъ, степи, стоитъ и глядитъ на меня большой могильный курганъ... До сихъ поръ не могу понять, чѣмъ онъ такъ поразилъ меня. Это было нѣчто ни на что не похожее ни по своимъ столь опредѣленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь мягкимъ очертаніямъ, ни по тому, главное, что таилось въ нихъ. Это было нѣчто совершенно необык-

новенное при всей своей простотѣ, такое древнее, что казалось безконечно чуждымъ всему живому, нынѣшнему, и въ то же время было такъ знакомо, близко, родственно.

— Ишь, какъ въ старину-то люди хоронились! — сказалъ мнѣ какой-то старикъ изъ дальняго угла. Онъ одинъ не спалъ, сидѣлъ и, согнувшись, съ трудомъ дыша, жарко раскуривалъ трубку, блестя занухшими, слезящимися глазами изъ-подъ рваной телячьей шапки, изъ всего того краснаго, морщинистаго, неряшливо чѣмъ-то сѣдымъ заросшаго, что составляло его лицо. — Въ старину люди хоронились, чтобы память была! — твердо сказалъ онъ. — Богатые были.

И, помолчавъ, добавилъ:

— А, можетъ, это татары насъ такъ закапывали? Въдѣ всего бывало на свѣтѣ, барчукъ,—и плохого и хорошаго...

А второй разсвѣтъ былъ мнѣ еще удивительнѣй. Опять внезапно очнулся я на какой-то станціи — и увидѣлъ уже что-то райское: бѣлое лѣтнее утро — тутъ было уже совсѣмъ лѣто — и что-то очень тѣсное и сплошь цвѣтущее. росистое и благовонное, какой-то маленькій бѣлый вокзалъ, весь увитый розами, какой-то лѣсистый обрывъ, отвѣсно поднимающійся надъ нимъ, и какія-то густыя, то же цвѣтуція, заросли въ обрывахъ съ другой стороны. . . И какъ-то совсѣмъ иначе, радостно и какъ будто испуганно, звонко, по горному крикнулъ паровозъ, трогаясь въ путь. Когда-же снова выбрался онъ на просторъ, изъ-за ликихъ лѣсистыхъ холмовъ впереди вдругъ глянуло на меня всей своей темной громадной пустыней, поднявшейся въ небосклонъ, что-то тяжело-синее, почти черное, влажно-мглистое, еще сумрачное, только что освобождающееся изъ влажныхъ и темныхъ нѣдръ ночныхъ, — и я вдругъ съ ужасомъ и радостью *узналъ* его. Именно — вспомнилъ, узналъ!

Севастополь же показался мнѣ чуть не тропическимъ. Какой знойный, южно-роскошный вокзалъ, весь насквозь

нагрѣтый нѣжнымъ воздухомъ! Какъ горячи, какъ блестятъ рельсы передъ нимъ! Небо отъ зноя даже блѣдное, сѣрое, но и въ этомъ роскошь, счастье, югъ. Все то огромное, мужицкое, что везли мы съ собой, по дорогѣ растаяло. А вотъ и я, почти одинъ, выхожу наконецъ изъ поѣзда, опять съ моимъ подлиннымъ именемъ, и, шатаюсь отъ усталости и голода, иду въ первый классъ. Полдень, вездѣ пустота, огромный буфетный залъ (мiръ богатыхъ, свободныхъ и знатныхъ людей, прiѣзжающихъ сюда съ курьерскими!) чистъ и тихъ, блестятъ бѣлизной столовъ, вазами и канделябрами на нихъ... Я не могъ больше удерживаться, быть, какъ былъ весь путь, нищенски расчетливымъ, — спросилъ себѣ кофе, калачъ. Мнѣ все это подали, искоса на меня поглядывая — видъ мой и впрямь былъ подозрителенъ. Но все равно, — я опять былъ я, я наслаждался тишиной, чистотой, вѣющимъ въ окна и двери жаркимъ воздухомъ — и вдругъ увидалъ: изъ открытыхъ на яркую платформу дверей неожиданно, но совсѣмъ просто, гуляючи, вошло въ залу что-то пестренькое, вроде цесарочки... Съ тѣхъ поръ уже всегда связывалось у меня представление о южныхъ вокзалахъ съ этимъ пестренькимъ.

Но гдѣ-же было то, за чѣмъ какъ будто и ѣхалъ я? Не оказалось и въ самомъ Севастополѣ ни разбитыхъ пушками домовъ, ни тишины, ни запустѣнія — ничего отъ дней отца и Николая Сергѣевича съ ихъ деньщиками, погребцами и казенными квартирами. Городъ уже давно-давно жилъ безъ нихъ, вновь и, конечно, гораздо лучше отстроенный, ослѣпительно-бѣлый, нарядный и жаркiй, съ просторными извозчичьими колясками подъ бѣлыми навѣсами, съ караимской и греческой толпой на улицахъ, осѣненныхъ свѣтлой зеленью южной акации, съ великолѣпными табачными магазинами, съ памятникомъ сутулому Нахимову на площади возлѣ лѣстницы, ведущей къ Графской пристани, къ зеленой морской водѣ со стоящими на ней броненосцами. Только тамъ, за этой зеленой

водой, было нѣчто отцовское — то, что называлось Сѣверной стороной, Братской Могилой; и только оттуда вѣяло на меня грустью и прелестью прошлаго, давняго, теперь уже мирнаго, вѣчнаго, и даже какъ будто чего-то моего собственнаго, тоже всѣми давно забытаго . . .

И вотъ, я пустился въ путь далѣе. Я переночевалъ гдѣ-то на окраинѣ, въ грошевой гостиницѣ, и рано утромъ вышелъ изъ Севастополя. Въ полдень я былъ уже за Балаклавую . . . Какъ одинокъ, какъ безвѣстенъ и молодосчастливъ былъ я въ тотъ день! И какъ страненъ былъ нагой горный мѣръ, что окружалъ меня! Бѣлое шоссе безъ конца, голыя, сѣрыя долины впереди, голыя сѣрыя ковриги близкихъ и дальнихъ вершинъ, одна за другой уходящія и куда-то томительно зовущія своими сиреневыми и пепельными горами, знойнымъ и таинственнымъ сномъ своимъ . . . Гдѣ былъ завѣтный холмъ съ бѣлыми подснежниками? Онъ исчезъ, потонулъ въ какой-то другой, вѣковой старинѣ. Посреди какихъ-то огромныхъ кремнистыхъ долинъ я, помню, сидѣлъ, отдыхалъ. Чабанъ татарченокъ съ высокимъ крюкомъ въ рукѣ стоялъ вдали, возлѣ сѣрой отары овецъ, голышами насыпанной сзади него. Онъ что-то жевалъ. Я пошелъ къ нему, увидалъ, что онъ ѣстъ брынзу и хлѣбъ, вынулъ двугривенный. Онъ, жуя, не сводя съ меня глазъ, замоталъ головой, протянулъ весь мѣшокъ, черезъ плечо висѣвшій на немъ. Я взялъ, — онъ нѣжно и радостно оскалился, блеснулъ всѣмъ своимъ черноглазымъ лицомъ, уши, торчавшія подъ его круглой шапочкой, двинулись назадъ . . . А по бѣлому шоссе мимо насъ катилась коляска тройкой, съ топотомъ копытъ и звономъ колокольчиковъ: на козлахъ — татаринъ ямщикъ, въ коляскѣ — сѣдобровый старикъ въ полотняномъ картузѣ, а рядомъ съ нимъ, вся закутанная, вся восковая, желтая, съ темными и страшными глазами, дѣвушка . . . Вѣрно, не разъ я видалъ, много лѣтъ спустя, въ дни совсѣмъ иные для меня, ея мраморный крестъ на горѣ надъ Ялтой, среди множества прочихъ крестовъ,

подъ кипарисами и розами, въ легкомъ и свѣжемъ морскомъ вѣтеркѣ свѣтлаго южнаго дня...

У Байдарскихъ воротъ я ночевалъ на крыльцѣ почтовой станціи. Смотритель не пустилъ меня въ комнаты, узнавъ, что лошадей я не буду брать. За воротами, въ безконечной темной пропасти, всю ночь шумѣло море — довременно, дремотно, съ непонятнымъ, угрожающимъ величіемъ. Я выходилъ иногда подъ ворота: край земли и кромѣшная тьма, крѣпко дуетъ пахучимъ туманомъ и холодомъ волнь, шумъ то стихаетъ, то растетъ, поднимается, какъ шумъ дикаго бора... Бездна и ночь, что-то слѣпое и безпокойное, какъ-то утробно и тяжко живущее, враждебное и бессмысленное...

XVII.

Откуда нибудь возвращаясь, всегда думаешь, что въ твое отсутствіе что нибудь случилось, получено какое-нибудь письмо, извѣстіе. Чаше всего оказывается, что ничего не случилось, ничего не получено. Не такъ, однако, было со мной на этотъ разъ. Братъ встрѣтилъ меня съ большимъ смущеньемъ: во-первыхъ, отецъ запродавъ Батурино, прислалъ намъ денегъ, написалъ необыкновенно грустно, покаянно... Я на мгновеніе вспыхнулъ отъ радости, — опять, значить, есть возможность куда-нибудь поѣхать, — но тотчасъ-же это чувство смѣнилось острой болью: значить, совсѣмъ конецъ всей нашей прежней жизни! — и горькой жалостью къ отцу, къ матери, къ Ольгѣ: мы тутъ веселы, безпечны, у насъ весна, люди, городъ, а они тамъ въ глуши, въ одиночествѣ, въ думахъ только о насъ, а вотъ теперъ и о своей близкой безпріютности... Я никогда не могъ спокойно видѣть отца въ грусти, не могъ слушать его оправданій въ томъ, что онъ «пустилъ насъ по міру»: я въ такія минуты всегда готовъ былъ ки-

нутъся руки его цѣловать даже какъ бы съ горячей благодарностью именно за это самое. Теперь же, послѣ Севастополя, едва удержался отъ слезъ... Къ счастью, оказалось, что онъ распродалъ только землю, безъ усадьбы.

А вторая новость была еще неожиданнѣй. Братъ всѣмъ потерялся, сообщая ее: «Прости, что я даже отъ тебя скрывалъ это, я не хотѣлъ и теперь не хочу, чтобъ объ этомъ знали наши... Дѣло въ томъ, что я женатъ... Не церковно, конечно, — она даже продолжаетъ, ради ребенка, жить вмѣстѣ съ мужемъ, — но ты понимаешь меня... Переодѣвайся и пойдемъ сейчасъ къ ней, она тебя знаетъ и заранѣе любить...»

И онъ поспѣшно рассказалъ мнѣ свою исторію. Она была изъ богатой и родовитой семьи, но росла въ страстныхъ свободолюбивыхъ и народническихъ мечтахъ, рано вышла замужъ, чтобы начать «рука объ руку съ любимымъ человѣкомъ» жить только для народа, въ борьбѣ за народъ... «Любимый человѣкъ», ставъ, благодаря ей, человѣкомъ богатымъ, скоро остылъ ко всѣмъ своимъ прежнимъ стремленіямъ, межъ тѣмъ, какъ для нея эти стремленія были столь святы, дороги, съ самыхъ раннихъ лѣтъ мучили ее, счастливую, такой болью за свое собственное счастье среди всѣхъ народныхъ несчастій и такимъ стыдомъ даже за красоту свою, что она однажды пыталась себя изуродовать, сжечь сѣрной кислотой себѣ руки, которыми всѣ черезчуръ восхищались... Съ братомъ она встрѣтилась на югѣ, — онъ тогда скрывался, жилъ подъ чужимъ именемъ... Понявъ свою любовь къ нему, она въ отчаяннѣи кинулась въ море, спасена была только случайно, рыбаками...

Я, покорно переодѣваясь, слушалъ все это съ большимъ удивленіемъ, ужасно волнуясь и отводя глаза. Мнѣ почему-то было неловко, неприятно за брата, во мнѣ росла враждебность къ его героинѣ, — ужъ слишкомъ все это было романтично. Однако я былъ удивленъ еще бо-

лѣе, едва переступилъ порогъ комнаты въ томъ богатомъ отелѣ, гдѣ жила она. Какъ быстро встала она мнѣ навстрѣчу, какъ нѣжно и родственно обняла меня, какъ ласково и чудно улыбнулась, какъ хорошо, легко заговорила! Во всей милой простотѣ ея обращенія была тонкость породы, воспитанья, прекраснаго сердца, застѣнчивая, женственная и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то удивительно свободная прелесть, въ движеніяхъ мягкость и точность, въ грудномъ, слегка пѣвучемъ и гармонически-изысканномъ звукѣ голоса, равно, какъ въ чистотѣ и ясности сѣрыхъ, нѣсколько грустно улыбающихся глазъ съ черными рѣсницами, — необъяснимое очарованіе...

И все таки это неожиданное знакомство, это внезапное открытіе, что у брата есть своя собственная жизнь, отъ насъ ото всѣхъ сокровенная, есть привязанность не къ намъ однимъ, очень ранило меня. Я опять почувствовалъ себя одинокимъ со всей своей молодостью среди всего того весенняго, что окружало меня, испыталъ какую-то горечь, разочарованіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я какъ будто сказалъ себѣ: «Ну, что жъ, тѣмъ лучше для меня, я теперь ужъ совсѣмъ свободенъ въ той чудесной странѣ, которая только что открылась мнѣ...» Страна же эта грезилась мнѣ необозримыми весенними просторами всей той южной Руси, которая все больше и больше плѣняла мое воображеніе и древностью своей и современностью. Въ современности былъ великій и богатый край, красота его нивъ и степей, хуторовъ и селъ, Днѣпра и Кіева, народа сильнаго и нѣжнаго, въ каждой мелочи быта своего красиваго и опрятнаго, — наследника славянства подлиннаго, дунайскаго, карпатскаго. А тамъ, въ древности, была колыбель его, были Свѣтополки и Игори, печенѣги и половцы, — меня даже одни эти слова очаровывали, — потому въѣдка казацкихъ битвъ съ турками и ляхами, Пороги и Хортица, плавни и гирла херсонскія... «Слово о Полку Игоревѣ» сводило меня съ ума:

«Хощу бо, рѣче, копіе приломити конецъ поля Половецкаго съ вами, Русици . . . Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому . . . Комони ржутъ за Сулою; звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ . . . Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремянь и поѣха по чистому полю. Солнце ему тмою путь заступаше; ночь стоуши ему грозюю птичь убуди . . . Дивъ кличетъ връху древа, велить послушати земли незнасмѣ, Вльзѣ и Поморию, и, Посулію, и Сурожу . . .»

«Кричатъ телѣгы полунощи, рци лебеди распуцени, Игорь вои къ Дону ведеть . . . Орли клеткомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чръленные щиты . . . О руськая земле! уже за Шеломянемъ еси . . .»

«Другого дни велми кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чръныя тучя съ моря идуть: въ нихъ трепещуть синія молніи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами . . .»

И потомъ:

«Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?»

«Святъславъ мутень сонъ видѣ: въ Кысвѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахуть мя, рече, чорною паполомною, на кровати тисовѣ. Черпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено . . .»

«Прысну море полунощи . . . Игореви Князю Богъ путь кажеть изъ земли Половецкой на землю Руськую, къ огню злату столу. Погасоши вечеру зори: Игорь спить, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣрять отъ Великаго Дона до Малаго Донца . . .»

И вскорѣ я опять пустился въ странствіа. Былъ на тѣхъ самыхъ берегахъ Донца, гдѣ когда-то кинулся изъ плѣна Князь «горностаемъ въ тростникъ, бѣлымъ гоголемъ на воду»; потомъ былъ на Днѣпрѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ «пробилъ онъ каменныя горы сквозь землю Половецкую»,

плыль мимо бѣлыхъ весеннихъ селъ, среди необозримо синѣющихъ солнцемъ и воздухомъ придиѣпровскихъ низинъ, вверхъ, къ Кіеву — и какъ рассказать, что пѣло тогда во мнѣ вмѣстѣ съ этой весной и пѣсней объ Игорѣ? «Солнце свѣтится на небеси, Игорь Князь въ Руськой земли! Дѣвицы поють на Дунаи. Вьются голоса черезъ море до Кіева . . . »

А отъ Кіева ѣхалъ я на Курскъ, на Путивль. «Сѣдлай, брате, свои борзые комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереды . . . » Только много лѣтъ спустя произошло во мнѣ чувство Костромы, Суздаля, Углича, Ростова Великаго: въ тѣ дни я жилъ въ иномъ очарованіи. И что нужды, что оказался «Курскъ» только скучнѣйшимъ губернскимъ городомъ, а пыльный Путивль и того скучнѣй! Развѣ не та же глушь, пыль была и тогда, когда на ранней степной зарѣ, на земляной стѣнѣ, убитой кольями, слышенъ былъ «Ярославнинъ гласъ»?

«Ярославна рано плачетъ Путивлю городу: полечу, рече, зегзицею, омочю бибрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавые раны его . . . »

XVIII.

Этимъ путемъ я уже возвращался домой. Теперь я даже спѣшилъ туда: кочевая страсть моя была до поры до времени нѣсколько насыщена, мнѣ хотѣлось отдыха и работы, и лѣто, ожидавшее меня въ Батуринѣ, представлялось мнѣ восхитительнымъ — такъ богатъ я былъ самыми лучшими надеждами, планами и довѣріемъ къ судьбѣ. Но, какъ извѣстно, нѣтъ ничего опаснѣе излишняго довѣрія къ ней . . .

Короче сказать, по пути я заѣхалъ въ Орель.

Тутъ я почувствовалъ свои странствія почти конченными: еще нѣсколько часовъ — и я въ Батуринѣ. Остава-

лось только взглянуть на самый Орель — городъ Лѣскова и Тургенева — да узнать наконецъ, что же такое редакция и типографія.

Бодрость я чувствовалъ необыкновенную. Но почернѣлъ, похудѣлъ, какъ цыганъ, побывавшій на пяти ярмаркахъ: столько ходилъ пѣшкомъ, столько плылъ по Днѣпру и все на палубѣ, въ радостной жарѣ солнца, блеска воды, раскаленной пароходной трубы, надъ которой весь день дрожало и плавилось что-то тончайшее, стеклянное, лазурно-пламенное, въ духотѣ и густомъ теплѣ, людскомъ, машинномъ и кухонномъ. Надо было поэтому хоть нѣсколько вознаградить себя. И вотъ, выйдя въ Орлѣ, я взялъ рѣзваго извозчика, велѣлъ везти себя въ лучшую гостиницу... Были пыльно-сиреневыя сумерки, вездѣ рассыпались вечерніе огни, за рѣкой, въ городскомъ саду, играла духовая музыка... Извѣстны тѣ неопредѣленныя, сладко волнующія чувства, что испытываешь вечеромъ въ незнакомомъ большомъ городѣ, въ полномъ одиночествѣ. Съ этими чувствами я и обѣдалъ въ пустой залѣ той старой и почтенной губернской гостиницы, въ которую привезли меня, и сидѣлъ потомъ на желѣзномъ балкончикѣ своего номера, надъ уличнымъ фонаремъ, горѣвшимъ подъ деревомъ, сквозившая зелень котораго, благодаря ему, была ярка, казалась нарядной, изящной, хотя и металлической. Внизу взадъ и впередъ шли съ говоромъ, смѣхомъ и огоньками папиросъ гуляющіе, напротивъ, въ большихъ домахъ, были открыты окна, а за ними видны освѣщенныя комнаты, люди, сидящіе за чайнымъ столомъ или что-то дѣлающіе, — чья-то чужая, манящая жизнь, на которую глядишь въ такіе часы съ особенно обостренной наблюдательностью... Впослѣдствіи, безъ конца скитаясь по свѣту, много пережилъ я подобныхъ часовъ одинокаго спокойствія и наблюденія и многимъ изъ нихъ обязанъ весьма горькой мудростью. Но совсѣмъ не до мудрости было мнѣ въ ту теплую ночь въ Орлѣ съ этой полковой музыкой, порой доносившейся ко мнѣ изъ-за

рѣки то своей пѣвучей томностью, то печально-восторженнымъ грохотомъ. Втайнѣ я, конечно, опять ждалъ того, что казалось тогда высшей радостью, завершеніемъ всякаго счастья...

Я совсѣмъ отвыкъ спать по человѣчески, — мнѣ даже странной показалась въ ту ночь большая, покойная и чистая кровать, темнота, тишина и просторъ моего номера. Я и проснулся по дорожному — чуть стало свѣтать. Этимъ и объясняется то, что пришелъ я въ редакцію «Голоса» совсѣмъ въ неурочный часъ.

Утро было жаркое, — весна была рѣдкая. Главная улица, бѣлая, голая, была еще пуста. Чтобы какъ-нибудь приблизить тотъ срокъ, когда по моимъ предположеніямъ можно было, не слишкомъ нарушая приличія, явиться въ редакцію, я пошелъ сперва внизъ по этой улицѣ, перешелъ какой-то мостъ, вышелъ на другую, большую, торговую, со всякими старыми складами и амбарами, скобяными, желѣзными, москательными и колоніальными лавками и вообще всѣмъ тѣмъ грузнымъ обиліемъ благосостоянія, отъ котораго ломились тогда русскіе города. Въ ладъ съ этимъ обиліемъ и густымъ утреннимъ солнцемъ, густо и важно-благобно звонили къ обѣднѣ въ тяжелой и высокой церкви возлѣ Орлика. Подъ этотъ гудящій звонъ, — онъ гудѣлъ даже во мнѣ во всемъ, — я перешелъ еще одинъ мостъ, поднялся на гору къ присутственнымъ мѣстамъ, огромнымъ домамъ николаевскихъ и александровскихъ временъ, передъ которыми вдоль длинной свѣтлой площади вправо и влѣво тянулся бульваръ, широкая аллея еще по утреннему свѣжихъ, прозрачно-тѣнистыхъ липъ. Я зналъ улицу, гдѣ была редакція «Голоса», спросилъ; далеко-ли она, у встрѣчнаго:

— Вонъ тамъ, въ двухъ шагахъ, — сказалъ онъ мнѣ, и я вдругъ почувствовалъ сердцебіеніе: сейчасъ буду въ редакціи!

Простота этой редакціи была однако истинно провин-

ціальная. За площадью шли сплошные сады, тихія тѣнистыя улицы, совсѣмъ утонувшія въ нихъ и заросшія густой травой. Въ такой-же улицѣ, въ большомъ саду, стоялъ и тотъ длинный сѣрый домъ, гдѣ помѣщалась редація. Я подошелъ, увидалъ полуоткрытую прямо на улицу дверь, дернулъ за ручку звонка... Онъ задребезжалъ гдѣ-то вдаль, но не произвелъ никакого дѣйствія: домъ казался необитаемымъ, какъ впрочемъ и все вокругъ: тишина, сады, милое свѣтлое утро губернскаго степного города... Я опять позвонилъ, подождалъ еще и наконецъ рѣшилъ войти. Длиныя сѣни вели куда-то вглубь. Я пошелъ туда и увидалъ большой, низкій и необыкновенно грязный залъ, весь загроможденный какими-то машинами, затоптанный и усѣянный рваными сальными бумагами. Машины были всѣ въ движеніи, мѣрно рокотали, взадъ и впередъ катая какія-то темно-свинцовыя доски подъ своими черными валами и валиками, мѣрно поднимая и опуская какія-то рѣшетки, листь за листомъ откладывая большіе бумажные листы, съ исподу еще бѣлые, а сверху уже покрытые какъ бы зернью черной блестящей икры, и отъ всѣхъ этихъ машинъ, рокоть и шумъ которыхъ сливался порой съ перекрикивающимися голосами печатниковъ и наборщиковъ, вѣяло пахучимъ вѣтромъ, крѣпкой и пріятной вонью свѣжей краски, бумаги, свинца, керосина и маслъ — всѣмъ тѣмъ, что тотчасъ же стало для меня (и уже навсегда) такимъ особеннымъ и сладостнымъ.

— Редація? — сердито крикнулъ кто-то мнѣ изъ этого вѣтра, шума и рокота. — Тутъ типографія! Эй, проводи въ редакцію!

И подъ ноги мнѣ кинулся откуда-то грязный, съ круглой, густо заросшей свинцовымъ ежомъ головой мальчишка:

— Сюда пожалуйте!

И я, волнуясь, поспѣшилъ за нимъ назадъ въ сѣни и

через минуту уже сидѣлъ въ большой приѣмной редактора, который оказался очень хорошенькой и маленькой полной молодой женщиной, очень дѣловитой, живой, такъ и сиявшей при каждой улыбкѣ ямочками, а еще черезъ пять — уже въ столовой, совсѣмъ по домашнему, за кофею. Меня то и дѣло угощали и все спрашивали, сказали нѣсколько лестныхъ словъ о моихъ стихахъ, напечатанныхъ въ столичныхъ ежемѣсячникахъ, звали сотрудничать въ «Голосъ»... Я краснѣлъ, благодарилъ и неловко улыбался, сдерживая почти восторженное удовольствіе отъ такого неожиданно-чудеснаго знакомства, этого гостепрѣимства и вниманія, нѣсколько дрожащими руками бралъ какія-то домашнія печенья, быстро и сладко таявшія во рту... А за большими итальянскими окнами стоялъ свѣтло-зеленый солнечный садъ, радостно и молодо глядѣвшій въ домъ и напоминавшій, что въ мірѣ безмятежно-счастливое утро, огромная Россія со всѣми своими полями, лѣсами и рѣками, богатый и старинный Орелъ и желѣзная дорога въ Батурино... Кончилось все это тѣмъ, что хозяйка вдругъ пріостановилась, услышавъ за дверью оживленные женскіе голоса, засмѣялась и сказала:

— А вотъ и мои заспавшіяся красавицы! Я сейчасъ познакомлю васъ съ двумя очаровательными созданіями, моей кухней Ликой М. и ея подругой Сашенькой Оболенской...

И тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ въ столовую, тоже чему-то смѣясь, вошли двѣ высокія ростомъ дѣвушки въ цвѣтисто-расшитыхъ русскихъ нарядахъ съ разноцвѣтными бусами и лентами, съ широкими рукавами, до локтя открывавшими ихъ молодыя круглыя руки...

XIX.

Удивительна была быстрота и безвольность, лунатичность, съ которой я отдался всему тому; что такъ случайно свалилось на меня, началось съ такой счастливой беззаботностью, легкостью, а потомъ принесло столько мукъ, горестей, отняло столько душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, погубило столько лучшихъ дней!

Почему мой выборъ палъ на Лиду? Оболенская была всячески лучше ея. Теперь, вспоминая ее, я такъ ясно вижу ея преимущества и вообще испытываю такія чувства къ ней, что мнѣ жаль до сихъ поръ, что я потерялъ ее, что не съ ней свела меня судьба, что только случайно (а мнѣ кажется, что именно случайно) разошлись мы съ ней. Не нужно было особаго вниманія, чтобы оцѣнить ее: она была смугла, высока и сильна прекрасной молодой худобой, у нея были густые и какъ-то очень хорошо убранные, слегка вьющіеся и жесткіе черные волосы, благородная простота и твердость въ темныхъ горячихъ глазахъ, въ умныхъ и точныхъ сужденіяхъ; ея любовь была бы, мнѣ кажется, не совсѣмъ легка, но достойна моей молодости, въ жизни моей оставила бы глубокой поэтической слѣдъ... Но тогда вниманіе мое то-ли было недостаточно, то-ли случайно отвлечено тѣмъ, что Лидка взглянула на меня дружелюбнѣй и внимательнѣй, заговорила проще и живѣй, чѣмъ Оболенская... И въ кого вообще такъ быстро влюбился я? Конечно, во все: въ то молодое женское общество, въ которомъ я очутился вдругъ и которое почему-то приняло меня съ такимъ веселымъ расположеніемъ; въ тувельку хозяйки и въ расшитые наряды этихъ дѣвушекъ со всѣми ихъ лентами, бусами, круглыми руками и удлиненно-округлыми колѣня-

ми; во всѣ эти просторныя, невысокія провинціальныя комнаты съ окнами въ солнечный садъ; даже въ то наконецъ, что нянька привела съ гулянья въ столовую раскрасѣвшагося и немного запотѣвшаго русаго мальчика, такъ серьезно и внимательно заглядѣвшагося на меня во всѣ свои синіе глаза, пока мать цѣловала его и разстегивала ему курточку... Тутъ, кстати, тотчасъ же стали убирать со стола и накрывать его къ завтраку, а хозяйкѣ вдругъ пришла въ голову мысль, что уходитъ мнѣ отъ завтрака совсѣмъ не слѣдъ, какъ не слѣдъ и вообще скоро уѣзжать изъ Орла, а Лика отняла у меня картузъ, сѣла за піанино и заиграла «Собачій вальсъ»... Словомъ, я ушелъ изъ редакціи только въ три часа, совершенно изумленный, какъ быстро все это прошло: я тогда еще не зналъ, что эта быстрота, исчезновеніе времени есть первый признакъ начала такъ называемой влюбленности, начала всегда бессмысленно-веселаго, похожаго на эфирное опьяненіе; не зналъ и того, что только этимъ опьяненіемъ и объясняется то восхищеніе предметомъ своей влюбленности, въ которомъ живешь иногда подолгу, чтобы потомъ, когда оно пройдетъ, совершенно не понимать его, дивиться на себя прежняго, какъ на человѣка, пережившаго подлинное сумасшествіе...

XX.

Такъ началась для меня еще одна любовь, которой суждено было стать въ моей жизни большимъ событіемъ. И начало это ознаменовалось случаемъ вдвойнѣ удивительнымъ.

Я покидалъ Орель какъ нѣчто уже дорогое, близкое, со всей грустью и нѣжностью первой любовной разлуки и съ горячими надеждами на скорое новое свиданіе. Нуж-

но же было быть тому, что какъ разъ въ этотъ день экстренно проходилъ черезъ Орель нѣкій траурный поѣздъ чрезвычайной важности! Онъ проходилъ ровно въ два часа, всего за часъ до моего поѣзда, и потому мой новый другъ, хозяйка «Голоса», которой необходимо было присутствовать при встрѣчѣ его, предложила подвезти меня на вокзалъ и тѣмъ самымъ дать мнѣ еще и возможность видѣть рѣдкое зрѣлище. И вотъ, все такъ же неожиданно, какъ все время въ Орлѣ, я очутился въ большой, но очень избранной толпѣ, ожидавшей, передъ рядами парадно выстроенныхъ на платформѣ солдатъ, прибытія того величаваго и жуткаго, что гдѣ-то тамъ уже шло, близилось, — среди всякихъ знатныхъ представителей города и губернии, фраковъ, шитыхъ мундировъ, треуголокъ, жирныхъ военныхъ эполетъ и цѣлаго синклита блистающихъ ризъ и митръ. Всякій попадающій въ подобное торжественное-напряженное общество тотчасъ заражается нѣкоторымъ оцѣпенѣніемъ, такъ что, постоявъ на платформѣ съ полчаса, я очнулся лишь въ тотъ внезапный мигъ, когда вдругъ, съ шумомъ и грохотомъ, какъ бы обрушился на насъ и на весь вокзалъ огромный паровозъ съ траурными флагами, а потомъ замелькало передъ глазами что-то великолѣпное, темносинее, съ большими чистыми стеклами и шелковыми занавѣсками, съ золотыми орлами гербовъ... Тутъ вся толпа встрѣчающихъ подалась назадъ, а изъ средняго вагона тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ мягко и точно остановившагося поѣзда быстро появился и шагнулъ на красное сукно, заранѣе разостланное на платформѣ передъ нимъ, молодой, ярко-русый гигантъ гусаръ въ красномъ доломанѣ, съ прямыми и рѣзкими чертами лица, съ тонкими, энергично и какъ бы нѣскольکو презрительно изогнутыми ноздрями, съ чуть-чуть выдвинутымъ подбородкомъ, совершенно поразившій меня своей нечеловѣческой высотой, длиной тонкихъ ногъ, зоркостью царственныхъ глазъ, больше же всего гордо и легко откинутой назадъ головой въ короткихъ и точно

гофрированныхъ ярко-русыхъ волосахъ и крѣпко и красиво вьющейся рыжей острой бородкой...

Могъ-ли я думать въ тотъ жаркій весенній день, какъ и *идь* увижу я его еще одинъ разъ!

XXI.

Цѣлая жизнь прошла съ тѣхъ поръ.

Россія, Орель, весна... И вотъ, Франція, югъ, средиземные зимніе дни.

Мы съ нимъ уже давно въ чужой странѣ. Въ эту зиму онъ мой близкій сосѣдъ, тяжело больной. Однажды поутру, развернувъ мѣстный французскій листокъ, я вдругъ опускаю его: конецъ. Я долго и напряженно слѣдилъ за нимъ по газетамъ и все смотрѣлъ съ своей горы на тотъ дальній горбатый мысъ, гдѣ все время чувствовалось его присутствіе. Теперь этому присутствію конецъ.

Солнечно, свѣтло и холодно. Я выхожу изъ дому въ садъ, уступами идущій внизъ, на усыпанную гравіемъ площадку подъ пальмами, откуда видна цѣлая страна долинъ, моря и горъ, сіяющая солнцемъ и синевой воздуха. Огромная лѣсистая низменность, все повышаясь своими волнами, холмами и впадинами, идетъ отъ моря къ тѣмъ предгорьямъ Альпъ, гдѣ я. Подо мной, на крутомъ каменистомъ отрогѣ, громоздится вокругъ остатковъ своей древней крѣпости съ первобытно-грубой сарацинской башней одно изъ самыхъ старыхъ гнѣздъ Прованса, то есть тоже нѣчто весьма грубое, сѣрое, каменное, уступчатое, воедино слитое, сверху чешуйчатое, какъ бы ржавое, коряво-черепичное. Вправо — синѣющіе въ вѣчной солнечной дымкѣ хребты Эстереля и Моръ. На горизонтѣ впереди — высоко поднимающаяся къ свѣтло-туманному небу бѣлеса туманность далекаго моря. А *тотъ*

горбатый мысъ — лѣвѣй, тонеть въ утреннемъ морскомъ блескѣ, зыбко окружающемъ его . . . Я долго смотрю туда. Поднимающийся мистраль прилетаетъ порой въ садъ, волнуеть жесткую и длинную листву пальмъ, сухо, знойно - холодно, точно въ могильныхъ вѣнкахъ, шелестить и шуршитъ въ ней . . . Вхать-ли туда? Это непостижимо-странно — встрѣтиться всего два раза въ жизни и оба раза въ сообществѣ смерти. Да и все непостижимо. Вотъ онъ, во всей силѣ и крѣпости своего расцвѣта, черезъ всю Россію, снизу до верху ея, совершаетъ свое парадно-траурное шествіе съ гробомъ отца; вотъ я, бессмысленно счастливый своей молодостью и тѣмъ счастьемъ, которому суждено было погубить нѣсколько самыхъ лучшихъ лѣтъ ея, стою на вокзалѣ въ Орлѣ, тупо и нѣсколько враждебно ожидая его . . . Неужели это солнце, что такъ ослѣпительно блестятъ сейчасъ и погружаетъ вонъ тѣ солнечно-мглистыя горы въ равнодушно-счастливые, тысячелѣтніе сны о всѣхъ временахъ и народахъ, нѣкогда видѣнныхъ ими, ужели это то же самое солнце, что свѣтило намъ съ нимъ нѣкогда?

XXII.

Весь день мистраль, острый шелестъ пальмъ, тревожный зимній блескъ.

Къ вечеру какъ будто стихаетъ.

Въ четыре часа я уже на мысу, быстро ѣду *туда*.

Дорога поднимается среди сплошныхъ южныхъ садовъ, по длинному проспекту, откуда, грубо гремя и звеня, катится навстрѣчу трамвай . . .

Наконецъ, вотъ и оно, это большое старинное помѣстье и этотъ бѣлый большой домъ въ глубинѣ обширнаго и просторнаго сада, за раскрытыми настежь воротами, въ концѣ длинной аллеи старыхъ сумрачныхъ пальмъ. Пред-

вечернее солнце, весь свѣтъ и блескъ западнаго неба — за домомъ.

Это первое, что жутко, — эти такъ широко и свободно для всякаго раскрытые смертью ворота и множество автотомбилей, стоящихъ возлѣ нихъ.

Аллея однако пуста, всё уже въ домѣ. Быстро иду къ нему. Подъ ногами шуршитъ гравій.

Пусто и возлѣ крыльца. Сюда?

Но я произношу это слово только потому, что вдругъ теряюсь: внезапно вижу на крыльцѣ то, чего не видѣлъ уже цѣлыхъ десять лѣтъ и что поражаетъ меня какъ чудодѣйственно воскресшая вдругъ передо мной вся моя прежняя жизнь: рыжеусаго, свѣтлоглазаго русскаго офицера въ гимнастеркѣ, въ погонахъ...

Я вижу за нимъ высокія стеклянныя двери, тоже настежь открытыя. За дверями — полутемный вестибюль и такія же другія двери, а дальше полусвѣтъ большого французскаго салона, что-то странное и красивое: гранатомъ сквозяція на солнцѣ, скрытомъ за ними, спущенныя на высокихъ и полукруглыхъ окнахъ шелковыя шторы и необычно зажженная въ такой еще ранній часъ, налевымъ жемчугомъ сіяющая подѣ потолкомъ, люстра.

Въ вестибюлѣ молчаливая и тѣсная толпа. Съ какой-то особой покорностью пробираюсь ко вторымъ дверямъ, затѣмъ поднимаю глаза — и тотчасъ же вижу лежащій въ непомерно длинномъ гробу, въ желтомъ дубовомъ саркофагѣ, большой желто-сѣрый ликъ, большой романовскій лобъ, всю эту старческую мертвую голову, уже сѣдую, а не русую, но все еще властную и гордую: посѣдѣвшая борода слегка выдвинута, ноздри вырѣзаны тонко и какъ бы чуть презрительно...

Затѣмъ вижу и чувствую подробности. Да, странный полусвѣтъ, спущенныя, красно просвѣчивающія предве-

чернымъ солнцемъ шторы, жемчужно сіяющая люстра, тонкіе и блѣдные, чуть дрожащіе огни высокихъ церковныхъ свѣщниковъ. И тутъ народъ, но только по стѣнамъ, а чуть не вся середина салона занята *имъ*. У стѣны на лѣво стоймя стоитъ прислоненная къ мраморному камину съ завѣшеннымъ зеркаломъ, высится и блистаетъ желтымъ лакированнымъ дубомъ гробовая крышка необычной формы, — въ бокахъ расширенная. Въ глубинѣ угла, за гробовымъ возглавіемъ, робко и нѣжно, какъ въ дѣтской спальнѣ, теплится на столикѣ передъ древнимъ серебрянымъ образомъ лампадка.

Чуть не все остальное занято гробомъ-саркофагомъ. Онъ тоже странно расширенъ въ бокахъ, необыкновенно дологъ и глубокъ, блещетъ своей новизной, полировкой, ладностью — и страшень тѣмъ, что въ немъ заключень еще другой, цинковый гробъ, который внутри обить бѣлымъ рытымъ бархатомъ, но чернѣющіе металлические края котораго все таки видны. Вокругъ застыль въ своихъ напряженно-щегольскихъ воинскихъ позахъ его послѣдній почетный карауль, офицерская и казачья стража: шашки на-голо, къ правому плечу, на согнутой лѣвой рукѣ — фуражки, глаза съ рѣзко подчеркнутымъ выраженіемъ безпрекословности и готовности устремлены на *него*. Самъ же онъ, вытянутый во весь свой необыкновенный ростъ и до половины покрытый трехцвѣтнымъ знаменемъ, лежитъ еще неподвижнѣе. Голова его, прежде столь яркая и нарядная, теперь старчески проста и простонародна. Послѣдніе волосы мягки и слабы, лобъ далеко обнаженъ. Голова эта кажется теперь велика, — такъ дѣтски худы и узки стали его плечи. Онъ лежитъ въ старой, совсѣмъ простой рыже-сѣрой черкескѣ, лишенной всякихъ украшеній, — только георгіевскій крестъ на груди, — съ широкими, но не въ мѣру короткими рукавами, такъ что выше кисти. — длинной и плоской, — открыты его большія желтоватыя руки, неловко и тяжело положенныя одна на другую, тоже старческія, но еще могучія, по-

ражающія: своей деревянностью и тѣмъ, что одна изъ нихъ съ грозной крѣпостью, какъ мечъ, зажала въ кулакѣ древній аѳонскій кипарисовый крестъ, почернѣвшій отъ времени... Я подхожу и становлюсь возлѣ самого гробового изножія, у пальмовыхъ вѣтвей и вѣнковъ, прислоненныхъ къ нему.

Тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ начинается служба. Изъ внутреннихъ покоевъ выходятъ близкіе, облачается въ ризу старенькій священникъ, — онъ именно старенькій, какъ почти всегда бываетъ это, — въ рукахъ у насъ тепло и ласково зажигаются огни восковыхъ свѣчей... Какъ все это уже привычно теперь — это негромкое, стройное пѣніе, мѣрное кадильное звяканье, скорбно-покорные, горестно-умиленные возгласы и моленія, уже миллионы разъ звучавшіе на землѣ! Только имена мѣняются въ этихъ моленіяхъ, и для cadaго имени настаеъ въ нѣкій срокъ свой чередъ!

— Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ...

— Міромъ Господу помолимся...

— О приснопамятномъ рабѣ Божиѣмъ...

Я все еще думаю о томъ, кто когда-то, въ жаркій солнечный день, былъ на вокзалѣ въ Орлѣ. Но лишь на мигъ мелькаетъ передо мной это яркое видѣніе. Горестно и несмѣло звучатъ моленія о «Благовѣрномъ Государѣ, Великомъ Князѣ», новопреставленномъ въ сонмѣ всѣхъ «чающихъ Христова утѣшенія» и вотъ теперь тоже смиренно ждущемъ «покоя, тишины, блаженныя памяти», уповающимъ «неосужденнымъ предстати у страшнаго престола Господа Славы...» Мертвый ликъ, уже обращенный къ чему-то намъ недоступному, все еще выразителенъ, но уже покоенъ и тихъ. Выпуклыя вѣки закрыты, безцвѣтныя губы сжаты, пепельно бѣлѣютъ подъ усами... Я вижу слегка вздувшіяся вены на его старчески крупныхъ вискахъ, — завтра онѣ уже почернѣютъ, думаю я... Я ду-

маю о его протекшей жизни, такой большой и сложной, думаю и о своей собственной...

— Еще молимся о упокоеніи души усопшаго раба Твоего... и о еже проститися ему всякому согрѣшенію, вольному же и невольному...

— Милости Божія, Царства Небеснаго и оставленія грѣховъ его у Христа, безсмертнаго Царя и Бога нашего, просимъ...

Потомъ взглядъ мой опять останавливается на трехцвѣтномъ знамени, до половины прикрывающемъ его ноги, его черкеску, видитъ эту окаменѣвшую руку съ зажатымъ въ ней чернымъ крестомъ, эти застывшія въ своей напряженной готовности лица караула, ихъ фуражки, клинки и погоны, уже десять лѣтъ мной невидѣнные...

— Образъ есмь неизрѣченныя Твоея славы — ущедри созданіе Твое, Владыко, и вождѣльное Отечество подаждь ми...

И я опускаюсь на колѣни и, сжимая зубы, страстно плачу...

Когда мы всѣ выходимъ, уже вечеръ. Солнце только что сѣло, сзади, за черными пальмами, темнорозовое зарево. А впереди, вдали, огромная картина этихъ вѣчныхъ средиземныхъ береговъ. Въ глубинѣ ея, въ смутномъ и холодномъ, розово-синемъ восточномъ небѣ, надо всѣмъ мертвенно царятъ снѣжные хребты Верхнихъ Альпъ, уже гаснущіе, сумрачно малиновые, всему живому безконечно чуждые, уходящіе въ свою дикую зимнюю ночь, снизу уже до половины потонувшіе въ сизой густой мглѣ. Сурово, холодно посинѣло къ ночи море подъ ними...

XXIII.

Ночью на моей горѣ все гудить, реветь, бушуетъ отъ мистрала. Я просыпаюсь внезапно. Я только что видѣлъ или думалъ во снѣ о томъ, какъ, во время прощанія послѣ панихиды, послѣдней изъ числа близкихъ *ему* прощалась какая-то худенькая, высокая дѣвушка вся въ черномъ, съ длинной траурной вуалью. Она подошла такъ просто, склонилась такъ женственно-любовно, на минуту закрывъ легкимъ концомъ ея и край саркофага и старчески-дѣтское плечо въ черкескѣ... Стремительно несется мистраль, вѣтви пальмъ, бурно шумя и мѣшаясь, тоже точно несутся куда-то... Я встаю и съ трудомъ открываю дверь на балконъ. Въ лицо мнѣ рѣзко бьетъ холодомъ, надъ головой разверзается черно-вороненое, въ бѣлыхъ, синихъ и красныхъ пылающихъ звѣздахъ небо. Все несется куда-то впередъ, впередъ...

Я кладу на себя медленное крестное знаменіе, глядя на все то грозное, траурное, что пылаетъ надо мной.

Ив. Бунинъ.